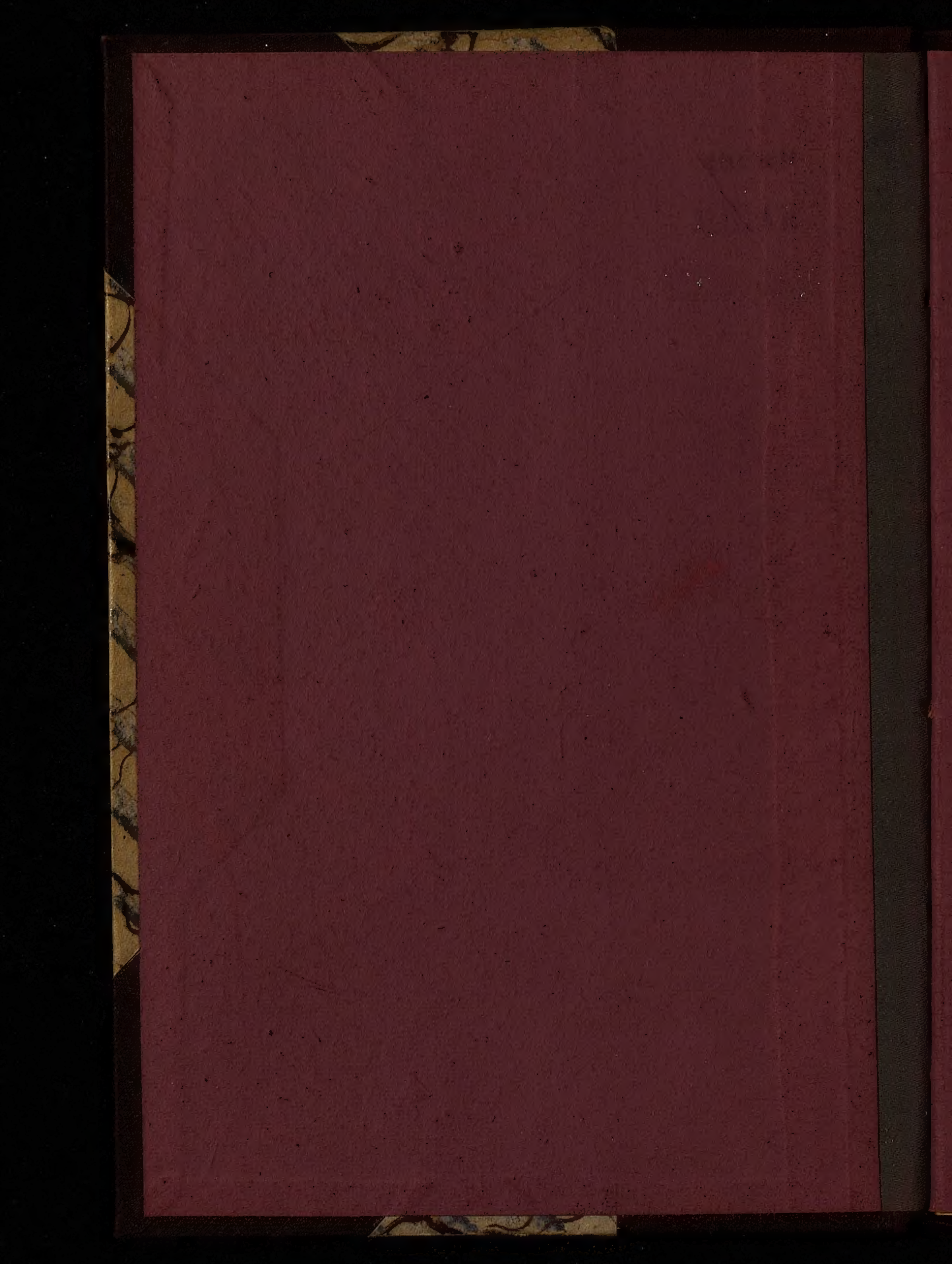
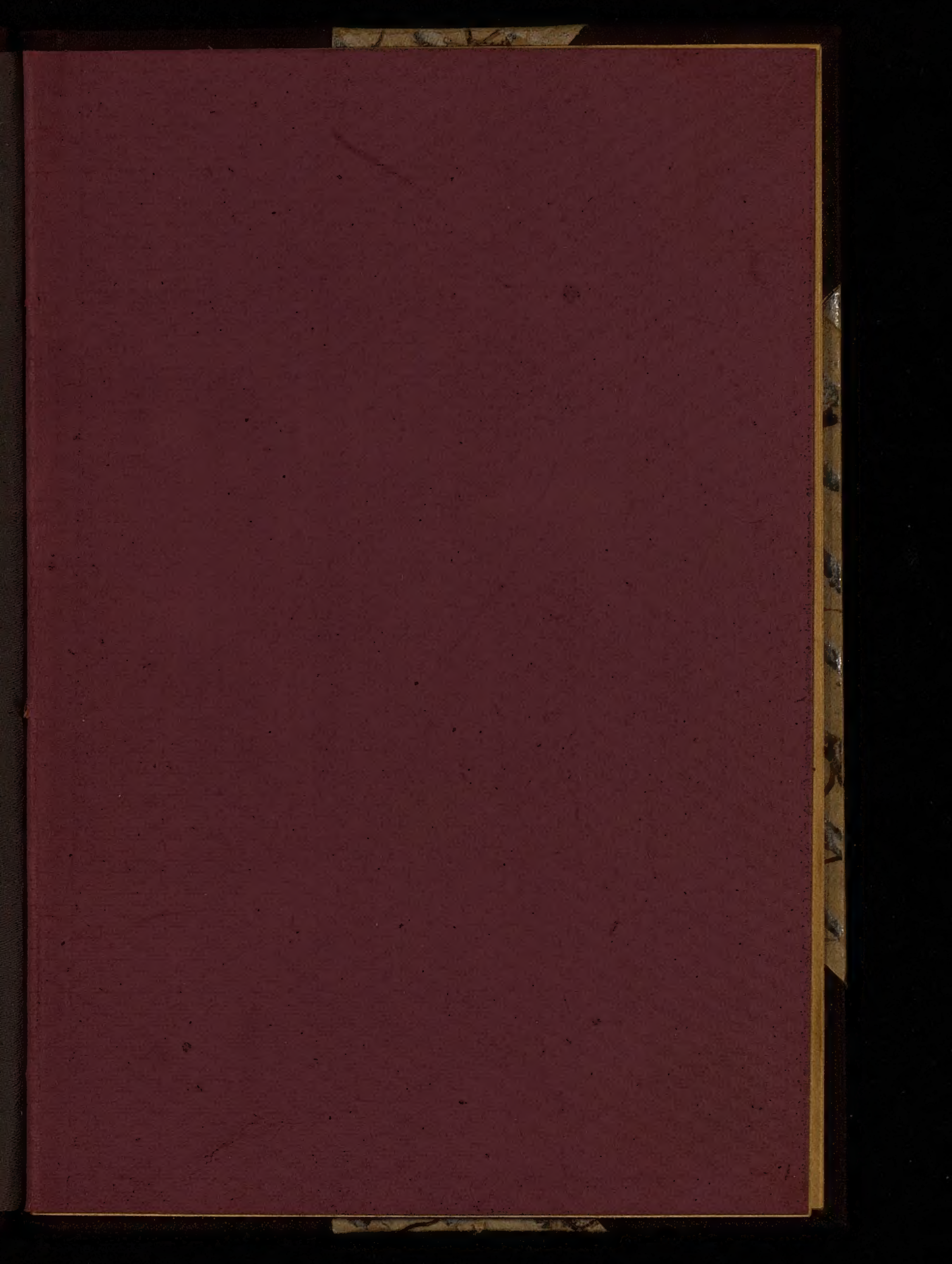
Изгоев

НАШИ

ПОЛИТ. ПАРТИИ

ИЗДАНІЕ ПАРТІИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ.

А. С. Изгоевъ.

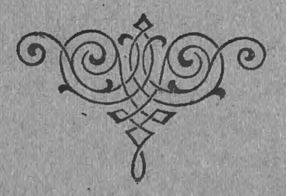
НАШИ
ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

Цѣна 50 коп.

ПЕТРОГРАДЪ.
1917.

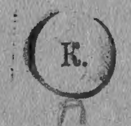
А. С. Изгоевъ.

НАШИ
ПОЛИТИЧЕСКІЯ ПАРТІИ.

ПЕТРОГРАДЪ.
Сунодальная Типографія.
1917.

Молніеносные удары русской революціи въ три дня сокрушили трехвѣковое владычество монархіи Романовыхъ. Возникшая въ 1613 году по волѣ народа, эта монархія въ ходѣ своего развитія обособилась отъ народа и, покоясь на пирамидѣ всесторонне порабощенныхъ, постепенно утончавшихся къ вершинѣ, слоевъ, выродилась въ самодовлѣющую власть, пытавшуюся опираться лишь на полицейскую и военную силу. И если часть полиціи пребыла вѣрной династіи Романовыхъ до послѣдняго часа, правильно отождествляя съ ней свои интересы, то военная сила, по существу своему сила народная, отказалась поддерживать власть, въ своемъ горделивомъ ослѣпленіи превратившуюся во власть противонародную, даже измѣнническую. А когда военная сила перешла къ народу, владычество Романовыхъ рухнуло, какъ карточный домикъ.

Снова, какъ и въ 1613 году, народная воля призывается создать новую власть. Сдѣлать это она должна въ Учредительномъ Собраніи, которое и рѣшитъ судьбу Земли Русской. Въ Учредительномъ Собраніи воля народная можетъ проявиться только черезъ партіи. Вопросъ о политическихъ партіяхъ пріобрѣтаетъ поэтому первостепенный интересъ.

Въ предлагаемомъ очеркѣ я не собираюсь давать сравнительный обзоръ программъ разныхъ нашихъ партій, отмѣчая ихъ сходства или различія. Партія не есть механическое объединеніе людей вокругъ опредѣленной программы. Партія— извѣстный организмъ. У нея есть душа и сердце. Уловить настоящій пульсъ партіи нерѣдко важнѣе, чѣмъ знать подробности ея программы.

Интеллигентская и демократическая революціонная русская традиція ведетъ свое начало отъ Новикова и Радищева. Въ движеніи декабристовъ мы находимъ, съ одной стороны,

западно - европейскія раціоналистически - революціонныя теченія, съ другой стороны — массонскія и карбонарскія, и съ третьей—отголоски дворянскихъ дворцовыхъ переворотовъ временъ «петербургскихъ дѣйствъ» и убійства Павла I. Всѣ эти теченія въ средѣ декабристовъ подверглись уже сильнымъ процессамъ національзаціи. Декабристамъ уже извѣстна русская земельная община и русскіе аграрные вопросы. Въ ихъ средѣ обсуждаются и получаютъ разнообразныя рѣшенія вопросы федералистическаго или централистскаго устройства Россіи. Сильной струей бьетъ революціонное славянофильство. Наряду съ политическими и соціальными темами декабристы интересовались и національными. Въ движеніи декабристовъ, во взглядахъ этихъ пестрыхъ группъ можно подмѣтить истоки всѣхъ позднѣйшихъ нашихъ «направленій» и даже будущихъ политическихъ партій.

Николай I не только жестоко подавилъ декабристское движеніе. Онъ срѣзалъ почти все культурно-политическое богатство, накопленное Россіей со времени Петра. Этимъ въ значительной мѣрѣ объясняется и дальнѣйшее политическое худосочіе нашего дворянства.

Еле теплившаяся политическая жизнь начала возрождаться въ 30-хъ годахъ среди интеллигенціи въ формѣ «направленій». «Славянофильство» и «западничество»—таковы изначальныя формы нашей политической мысли. И то и другое одинаково, хотя въ различной степени и въ разныхъ видахъ, были оплодотворены и германской философіей и французскимъ соціализмомъ. Въ особенности соціализмъ служилъ той колыбелью, въ которой пестовалась наша политическая мысль. Помимо мотивовъ идейныхъ и эмоціональныхъ (родство съ евангельскимъ христіанствомъ), тутъ извѣстную роль играли и соображенія защитнаго свойства. Идеи соціалистическія проходили черезъ рогатки николаевской цензуры легче, чѣмъ самые скромные намеки на конституціонныя реформы.

Русская общественная мысль, обильно насыщенная соціализмомъ, очень скоро связала его съ особенностями быта огромнаго большинства русскаго народа, съ общиннымъ землевладѣніемъ. Сочетаніе соціализма съ общинной идеологіей

становится съ 40-хъ годовъ главнѣйшей и первенствующей русской идеей. Въ этомъ сочетаніи—сущность «русскаго соціализма», основаннаго на вѣрѣ въ возможность перейти при помощи нашего общиннаго землевладѣнія непосредственно въ соціалистическій строй, минуя посредствующую стадію капиталистическаго развитія, принесшаго Западной Европѣ столько бѣдъ.

Отнынѣ, въ 60-хъ и 70-хъ и даже 80-хъ годахъ, всѣ дѣйствующія у насъ политическія силы вдохновляются этой идеей. Въ основѣ каждой изъ идеологій лежитъ «русскій соціализмъ». Споръ идетъ лишь о способахъ его осуществленія. «Лавристы» рекомендуютъ для этого «пропаганду» и высчитываютъ, въ какой геометрической прогрессіи можетъ рости число распропагандированныхъ соціалистовъ изъ народа и когда ихъ накопится достаточно для болѣе или менѣе безболѣзненнаго осуществленія соціализма. «Бакунисты», отрицая медленно дѣйствующую пропаганду, рекомендуютъ «агитацію», устройство бунтовъ, «вспышкопускательство», разсчитывая такимъ путемъ зажечь огромный пожаръ, въ результатѣ котораго и создастся федерально-анархическій соціализмъ отдѣльныхъ общинъ. Немногочисленные русскіе якобинцы, послѣдователи Ткачева, стоятъ за созданіе тайной организаціи профессіональныхъ революціонеровъ, которая, захвативъ власть, ввела бы силою, сверху, соціалистическое устройство.

Таковы различныя теченія среди русскихъ соціалистовъ, устремившихся въ 70-хъ годахъ «въ народъ». О политическихъ партіяхъ тутъ нельзя еще и говорить, хотя зачатки болѣе или менѣе напоминающихъ ихъ организацій уже появляются. Въ 60-хъ годахъ, въ моментъ освобожденія крестьянъ зарождаются у насъ и чисто конституціонныя теченія. Они представлены немногими европейски высоко образованными людьми (И. С. Тургеневъ, Б. Н. Чичеринъ) и дворянами. Среди дворянъ-конституціоналистовъ несомнѣнно былъ небольшой процентъ и людей обиженныхъ отмѣной крѣпостного права и видѣвшихъ въ конституціи средство поднять падающее вліяніе дворянства. Эта, по существу своему совершенно ложная, идея скомпрометировала и безъ того

слабый тогда русскій конституціонализмъ, снабдивъ его «барской» этикеткой и окрасивъ въ демократическіе цвѣта идеологовъ славянофильства, превративъ напр. даже такого человѣка, какъ Кавелинъ, въ защитника самодержавія съ точки зрѣнія интересовъ крестьянской массы. Ранній русскій конституціонализмъ оказался очень слабосильнымъ и скоро растворился въ земской средѣ, проявившись затѣмъ уже въ концѣ 70-хъ годовъ въ измѣненномъ видѣ.

Дѣйственныя русскія общественныя силы въ то время были почти всецѣло поглощены «русскимъ соціализмомъ», народничествомъ. Въ срединѣ 70-хъ годовъ «народники» двинулись въ «народъ». Тамъ они, съ одной стороны, встрѣтились съ подлиннымъ народомъ, а съ другой, съ полицейской силой самодержавнаго режима. Знакомство съ темнотой и невѣжествомъ народнымъ и съ полицейскимъ строемъ нашего государства, боль отъ получаемыхъ ударовъ и желаніе отомстить за погибающихъ товарищей превратили «народниковъ», недавно еще «чистыхъ соціалистовъ», убѣжденныхъ враговъ «конституціи», въ столь же убѣжденныхъ сторонниковъ политической борьбы, необходимой для завоеванія свободныхъ учрежденій, при которыхъ только и возможна разумная соціалистическая пропаганда.

Такъ создалась первая наша политическая партія въ настоящемъ смыслѣ этого слова, партія Народной Воли, отъ которой ведутъ свое происхожденіе всѣ наши подлинныя конституціонныя и демократическія партіи.

Въ партіи Народной Воли съ перваго до послѣдняго дня существовали рядомъ два теченія: якобинское и демократическое. Первое, крупнѣйшимъ представителемъ котораго явился малоустойчивый въ своихъ взглядахъ Л. А. Тихоміровъ, проповѣдывало захватъ власти для производства соціалистическаго переворота сверху. Второе, демократическое, видѣло главную свою задачу въ томъ, чтобы при помощи политической борьбы и террора побудить и принудить царя дать свободы и созвать народное представительство, черезъ которое самъ народъ могъ бы устроить свою судьбу.

1-го марта 1881 г. членами партіи Народной Воли былъ убитъ Александръ II. Черезъ 12 дней появилось обращенное

къ его преемнику письмо Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли, представляющее одинъ изъ важнѣйшихъ русскихъ политическихъ документовъ. Это—первое серьезное заявленіе русской политической партіи, обращенное одновременно и къ носителю верховной власти и къ народу. Что-же касается оцѣнки этого акта по существу, то нельзя не привести словъ Энгельса, сказанныхъ Г. А. Лопатину: «И я, и Марксъ находимъ—говорилъ Энгельсъ—что письмо Комитета къ Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону; оно доказываетъ, что въ рядахъ революціонеровъ находятся люди съ государственной складкой ума». Письмо это, составленное Тихоміровымъ и Ланганссомъ и проредактированное Н. К. Михайловскимъ, свидѣтельствуетъ о побѣдѣ въ то время «демократическаго» теченія въ партіи Народной Воли (впослѣдствіи у самого Л. А. Тихоміровa еще не разъ были рецидивы якобинизма, быть можетъ и приведшіе его въ концѣ концовъ въ лоно самодержавія).

Основныя положенія письма Исполнительнаго Комитета сводятся къ слѣдующему. «Русское правительство—говорится въ немъ—не имѣетъ никакого нравственнаго вліянія, никакой опоры въ народѣ». Изъ существующаго положенія есть только два выхода: или революція, или «добровольное обращеніе Верховной Власти къ народу». «Въ интересахъ родной страны, во избѣжаніе напрасной гибели силъ, во избѣжаніе тѣхъ самыхъ страшныхъ бѣдствій, которыя всегда сопровождаютъ революцію, Исполнительный Комитетъ обращается къ Вашему Величеству съ совѣтомъ избрать второй путь». «Для того, чтобы революціонное движеніе замѣнилось мирной работой», необходимы два условія: 1) Общая амнистія по всѣмъ политическимъ преступленіямъ прошлаго времени, 2) Созывъ представителей отъ всего русскаго народа для пересмотра существующихъ формъ государственной и общественной жизни и передѣлки ихъ сообразно съ народными желаніями». Для правильнаго созыва представителей отъ народа Исполнительный Комитетъ ставитъ такія условія: 1) Депутаты посылаются отъ всѣхъ классовъ и сословій безразлично и пропорціонально по числу жителей, 2) Никакихъ ограниченій ни для избирателей, ни для депутатовъ не

должно быть, 3) Избирательная агитація и самые выборы должны быть произведены совершенно свободно, а потому правительство должно въ видѣ временной мѣры впредь до рѣшенія народнаго собранія допустить: а) полную свободу печати, б) полную свободу слова, в) полную свободу сходокъ, г) полную свободу избирательныхъ программъ. «Заявляемъ торжественно передъ лицомъ родной страны и всего міра —говорилось въ письмѣ Исполнительнаго Комитета—что наша партія съ своей стороны безусловно подчинится рѣшенію Народнаго Собранія, избраннаго при соблюденіи вышеизложенныхъ условій и не позволитъ себѣ впредь никакого насильственнаго противодѣйствія правительству, санкціонированному Народнымъ Собраніемъ».

Намѣченная здѣсь программа была полностью со всѣми необходимыми дополненіями воспринята партіей Народной Свободы (конституціонно-демократической). Требуемое партіей Народной Воли Народное Собраніе, созываемое монархомъ при существованіи монархической власти, есть именно то народное представительство съ учредительными функціями, за которое высказалась партія Народной Свободы послѣ того, какъ въ 1905 г. борьба за Учредительное Собраніе была проиграна и правительство Витте созвало первую Госуд. Думу. Но у Николая II не было честнаго отношенія къ народному представительству. Напуганный октябрьской забастовкой, онъ оправился послѣ пораженія декабрьскаго возстанія и, ненавидя народное представительство, соглашался терпѣть Госуд. Думу только при условіи полнаго ея безсилія и бездѣятельности. Но идея Госуд. Думы сама по себѣ оказалась сильнѣе отживающей самодержавной власти. Безумное упорство и слѣпота Николая Романова привели лишь къ возрожденію и быстрой побѣдѣ идеи Учредительнаго Собранія.

Два раза династіи Романовыхъ протягивали спасательный канатъ. Партія Народной Воли—Александру III, партія Народной Свободы—его сыну Николаю II. И отецъ и сынъ оказались ослѣпленными гордыней и тупыми людьми. Они, а не кто-либо другой, привели Россію къ нынѣшней революціи.

Но въ 1881—1884 годахъ самодержавной полиціи удалось отпраздновать побѣду надъ первой русской политической партіей. Разгромъ Народной Воли, начатый казнью Желябова, былъ законченъ предательствамъ Дегаева, арестомъ военной организаціи и Германа Лопатина. Оживившееся параллельно съ усиленіемъ политической дѣятельности народовольцевъ, конституціонное земское движеніе, уже тогда въ лицѣ И. И. Петрункевича окрашенное въ демократическій цвѣтъ, тоже вскорѣ затихло. Среди остатковъ разгромленныхъ народовольцевъ все прочнѣе утверждаются конституціонныя идеи. Въ возникавшихъ во второй половинѣ 80-хъ годовъ нелегальныхъ изданіяхъ, какъ-то въ «Свободной, Россіи» Бурцева и Дебагорія-Мокріевича и въ «Самоуправленіи», конституціонныя идеи явно преобладаютъ надъ народническимъ соціализмомъ. Послѣдній превращается отчасти въ культурничество, отчасти усваивается даже офиціальной идеологіей. Такъ, самодержавная власть провозглашаетъ себя защитницей общины. Въ 1893 году она проводитъ законъ о неотчуждаемости крестьянскихъ надѣловъ, о воспрещеніи досрочнаго выкупа и выдѣла изъ общины и т. д. Нѣкоторыя народническія идеи признаются какъ бы офиціальной идеологіей самодержавія. А какъ-разъ въ это именно время процессъ экономическаго развитія ведетъ къ усиленію нашей крупной промышленности. Строятся желѣзныя дороги. Привлекаются иностранные капиталы. Усилена таможенная защита отечественной промышленности. Растетъ рабочій классъ, все болѣе и болѣе отдѣляющійся отъ земли. Вмѣстѣ съ ростомъ промышленности проникаютъ къ намъ и западноевропейскія идеи. Марксъ и его «Капиталъ» были давно популярны въ Россіи. Но марксизмъ въ 70-хъ годахъ былъ ассимилированъ народническимъ «русскимъ соціализмомъ» и въ тогдашнемъ своемъ русскомъ обличьи являлся совсѣмъ не тѣмъ, чѣмъ былъ въ Германіи. Въ Россіи на «Капиталъ» Маркса смотрѣли не какъ на изслѣдованіе о законахъ развитія современнаго общества, а какъ на предостереженіе отъ ошибокъ, которыхъ ради блага народа надо избѣжать. Въ 80-хъ годахъ эти русскія представленія о марксизмѣ начинаютъ замѣняться представленіями европейскими.

Какъ всегда у насъ во время торжества реакціи, открытая политическая жизнь смѣняется борьбой литературныхъ направленій. Выступаютъ на сцену «марксизмъ» и «народничество». Когда въ самомъ концѣ 70-хъ годовъ наиболѣе активная часть членовъ политически безформенной народнической организаціи «Земля и Воля» сложилась въ партію „Народной Воли" съ рѣзко выраженными конституціонными стремленіями, отъ нея обособился небольшой кружокъ ревнителей чистоты народнически-соціалистической программы и создалъ быстро исчезнувшую группу «Черный Передѣлъ» По ироніи судьбы во главѣ этой группы, протестовавшей противъ конституціонныхъ грѣхопаденій русскихъ народниковъ, стояли будущіе основатели заграничнаго издательства «Освобожденіе труда», первой русской дѣйствительно марксистской организаціи. Бывшій «чернопередѣлецъ» Г. В. Плехановъ, очутившись за-границей, глубоко изучилъ западноевропейскій соціализмъ и въ блестящей книгѣ «Наши разногласія» подвергъ сокрушительной критикѣ наши утопическія народнически-соціалистическія идеи. По своему значенію для Россіи «Наши Разногласія» могутъ быть сравниваемы только съ знаменитой «Научной философіей» Карла Маркса, убившей за-границей прудонизмъ.

Марксистскія идеи широко разлились въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ. Конецъ девяностыхъ годовъ былъ временемъ ихъ полнаго торжества, которое шло параллельно увеличенію численности рабочаго класса. Марксистскія идеи вели къ политической свободѣ. Онѣ объясняли ея необходимость для общества съ развитой капиталистической промышленностью, указывали, что рабочій классъ, «пролетаріатъ», кровно заинтересованъ въ политическихъ свободахъ, какъ условіи успѣшности своей борьбы за лучшее будущее, за свой соціалистическій идеалъ ея.

Отъ литературной и устной проповѣди среди интеллигенціи марксистская молодежь начала переходить къ пропагандѣ среди рабочихъ. Въ разныхъ мѣстахъ создавались отдѣльные кружки соціалъ-демократовъ, занимавшіеся обученіемъ рабочихъ, политической среди нихъ пропагандой, устройствомъ стачекъ, содѣйствіемъ стачечной борьбѣ. Дѣ-

лаются попытки объединенія этихъ отдѣльныхъ кружковъ, которыя и приводятъ въ 1898 году къ съѣзду соціалъ-демократовъ въ Минскѣ.

Съѣздъ этотъ малочисленный и въ практическомъ отношеніи, вслѣдствіе сопровождавшаго его предательства, почти безплодный, оставилъ послѣ себя политическій документъ, важный въ исторіи развитія русской соціалъ-демократіи. Я говорю о «Манифестѣ Россійской Соціалъ-Демократической Рабочей Партіи», составленномъ для съѣзда П. Б. Струве. Манифестомъ дано было названіе партіи и указаны ея основныя соціальныя и политическія идеи. «Русскій пролетаріатъ—говорилось въ манифестѣ—сброситъ съ себя ярмо самодержавія, чтобы съ тѣмъ большей энергіей продолжать борьбу съ капитализмомъ и буржуазіей до полной побѣды соціализма». Это была уже вполнѣ европейская постановка вопроса, но новая партія въ то же время не прерывала и старой русской интеллигентской традиціи. «Какъ движеніе и направленіе соціалистическое, Россійская Соціалъ-демократическая партія—гласилъ ея манифестъ—продолжаетъ дѣло и традиціи всего предшествовавшаго революціоннаго движенія въ Россіи. Ставя главнѣйшею изъ ближайшихъ задачъ партіи въ ея цѣломъ завоеваніе политической свободы, соціалъ-демократія идетъ къ цѣли, ясно намѣченной еще славными дѣятелями старой «Народной Воли».

И послѣ минскаго съѣзда, какъ и до него, отдѣльные кружки соціалъ-демократовъ продолжали работать разрозненно. Это время въ марксистской литературѣ называется «періодомъ кустарничества», по аналогіи съ работой разрозненныхъ кустарей въ небольшихъ свѣтелкахъ. На опытѣ соціалъ-демократическіе пропагандисты убѣдились, что на рабочую массу легче всего дѣйствовать, исходя изъ ея непосредственныхъ интересовъ, призывая рабочихъ вначалѣ къ борьбѣ за увеличеніе заработной платы, улучшеніе условій труда и уже затѣмъ въ ходѣ борьбы, опираясь на правительственныя гоненія, развертывая все шире и шире партійные политическіе и соціалистическіе лозунги. Этотъ опытъ вскорѣ былъ возведенъ въ теорію. Построена была теорія постепенныхъ «стадій», которыя проходитъ развитіе рабочаго движенія, и

создалось въ соціалъ-демократической средѣ теченіе, окрещенное его врагами кличкой: «экономизмъ», «экономисты». Этимъ хотѣли указать, что «экономисты», органами которыхъ считаютъ издававшуюся въ Россіи «Рабочую Мысль» и заграничное «Рабочее Дѣло», принижали политическія и идеальныя соціалистическія цѣли движенія.

Борьба противъ «кустарничества» и «экономизма» пріобрѣла очень страстный характеръ. Въ 1900 году возникла за-границей газета «Искра», объединившая вокругъ себя рядъ виднѣйшихъ революціонно-настроенныхъ марксистовъ. Тутъ работали и Г. В. Плехановъ и Н. Ленинъ, Потресовъ и Мартовъ, Троцкій, Данъ, Аксельродъ и Вѣра Засуличъ и т. д. Въ два года «Искра» разгромила «экономистовъ», какъ идейно, такъ и организаціонно. Ихъ печатные органы исчезли, ихъ группы въ Россіи и за-границей прекратили свое существованіе. Рядомъ съ этой критической работой «Искра» вела и положительную: разработывала проектъ программы и подготовляла новый съѣздъ партіи.

Этотъ второй съѣздъ и состоялся лѣтомъ 1903 года заграницей. На немъ была принята программа Росс. Соц.-Дем. Раб. партіи, въ основныхъ своихъ чертахъ, за исключеніемъ пункта, касающагося земельнаго вопроса, дѣйствующая и нынѣ. На этомъ же съѣздѣ положено было начало расколу, пронизавшему затѣмъ всю партію сверху до низу и въ сущности превратившему ее въ двѣ партіи, идейно, тактически и организаціонно отличныя другъ отъ друга. Расколъ возникъ при обсужденіи устава партіи. При голосованіи перваго же параграфа, говорящаго о томъ, кого считать членомъ партіи, образовалось «большинство» и рядомъ съ нимъ весьма внушительное «меньшинство». Отсюда и пошло дѣленіе на «большевиковъ» и «меньшевиковъ». «Большинство» партіи, руководимое Ленинымъ, требовало отъ члена партіи, кромѣ признанія программы и партійныхъ взносовъ, еще и «*личнаго участія* въ одной изъ партійныхъ организацій», а меньшинство соглашалось признавать членомъ партіи лицо, «оказывающее ей *регулярное содѣйствіе подъ руководствомъ* одной изъ ея организацій».

Вотъ на чемъ произошелъ расколъ одной изъ сильнѣйшихъ нашихъ партій. Казалось бы, споръ идетъ о словахъ,

о какихъ-то пустякахъ. На самомъ дѣлѣ шелъ споръ двухъ міровоззрѣній, двухъ темпераментовъ. Вслѣдъ за голосованіемъ перваго параграфа выяснилось, что въ сущности на всю партійную организацію «большинство» и «меньшинство» смотрятъ различно. Затѣмъ обнаружились и тактическія расхожденія въ способахъ достиженія поставленной цѣли, а подъ ними стали вскрываться и програмныя разногласія.

Большевики рисовали себѣ партію, какъ организацію сознательныхъ революціонныхъ соціалъ-демократовъ, руководящую *рабочими* массами. Къ этимъ рабочимъ массамъ большевики относились съ нѣкоторой опаской, считая ихъ недостаточно революціонными, инстинктивно склонными къ «экономизму». Въ основу своей организаціи» большевики ставили поэтому «централизацію» и весьма косо смотрѣли на попытки вводить въ центральные органы людей по выбору отъ рабочей массы, отъ «периферіи». Меньшевики этой «заговорщической» организаціи противопоставляли свою, основанную на началахъ «демократизаціи», участія въ выборахъ партійныхъ комитетовъ широкихъ круговъ втянутаго въ рабочее движеніе пролетаріата. Вполнѣ сознательные соціалъ-демократы изъ рабочихъ—говорили они—могутъ выработаться только въ процессѣ этой партійной жизни, тѣсно связанной съ рабочей борьбой. Большевики видѣли въ этомъ возрожденіе «экономизма», только что, казалось, на смерть пораженнаго «Искрой».

Не успѣлъ закончиться второй съѣздъ, какъ въ рядахъ партіи, и въ центральныхъ заграничныхъ учрежденіяхъ и въ мѣстныхъ россійскихъ комитетахъ, началась ожесточенная междоусобица. «Меньшевики» и «большевики» поочередно вытѣсняли другъ друга изъ разныхъ учрежденій, захватывали то Центральный Органъ («Искру»), то комитеты, то типографіи, то кассы. Сюда, какъ водится, присоединились и личныя дрязги, снѣжный комъ ростущихъ обидъ. Другъ противъ друга выставляли самыя серьезныя и тяжкія обвиненія. Подробностей этихъ ссоръ, психологически очень интересныхъ и характерныхъ для борющихся теченій, не станемъ касаться, хотя бы по недостатку мѣста.

Въ сущности партія раскололась на двѣ. Меньшевики и большевики создали себѣ подъ разными именами особые центральные комитеты и особыя газеты и ожесточенно боролись за вліяніе въ мѣстныхъ комитетахъ. Фракціонная борьба чрезвычайно обезсиливала соціалъ-демократическую партію въ то самое время, когда въ общественной жизни Россіи наступало политическое оживленіе, принимавшее явно революціонный характеръ. Образовалась партія соціалистовъ-революціонеровъ, террористическія выступленія которой нашли въ странѣ громкій откликъ. Крѣпло и ширилось въ странѣ земское движеніе, принимавшее конституціонно-демократическія формы, закрѣпленныя созданіемъ за-границей редактируемой П. Б. Струве газеты «Освобожденіе» и возникшаго лѣтомъ 1903 года около нея «Союза Освобожденія». Но болѣе всего взволновало соціалъ-демократовъ то обстоятельство, что первыя крупныя массовыя уличныя выступленія русскаго пролетаріата произошли независимо отъ ихъ дѣятельности. Лѣтнія стачки рабочихъ на югѣ Россіи въ 1903 г. были дѣломъ рукъ «независимыхъ» и Шаевича, находившихся въ явной связи съ «охранкой» и жандармами. Движеніе 9 января 1905 года вышло изъ нѣдръ гапоновскихъ организацій, опять-таки связанныхъ многими нитями съ тайной полиціей.

Все это грозило соціалъ-демократамъ утратой вліянія даже среди городскихъ рабочихъ массъ, инстинктивно соціалъ-демократическихъ, но организаціонно ей чуждыхъ, и побуждало стремиться къ прекращенію внутренняго раздора и къ объединенію партіи. А внутреннія разногласія между тѣмъ ширились и росли. Какой ни возникалъ въ жизни вопросъ, по каждому у партіи оказывалось два мнѣнія.

Земское движеніе превратилось въ серьезный политическій фактъ. Меньшевики предлагали поддерживать его, толкая земцевъ возможно дальше влѣво, до предѣловъ возможнаго для нихъ конституціоннаго демократизма. Большевики, наоборотъ, предлагали бороться противъ земскаго движенія, опираясь на революціонныя крестьянскія массы и революціонную интеллигенцію, вошедшую въ партію соціалистовъ-революціонеровъ. Меньшевики возражали противъ такого

еретическаго съ точки зрѣнія марксизма объединенія пролетаріата съ крестьянствомъ, т. е. съ мелкой буржуазіей, политически мало сознательной, и упрекали большевиковъ въ демогогіи.

Попытка объединить партію была сдѣлана весной 1905 г., когда за-границей былъ созванъ съѣздъ, который предполагалось назвать «третьимъ». Но вмѣсто объединенія получился формальный разрывъ. Меньшевики ушли со съѣзда и образовали свою собственную «конференцію». Большевики назвали свое собраніе «третьимъ съѣздомъ», но онъ не встрѣтилъ общаго признанія въ партіи.

На большевистскомъ «съѣздѣ» и меньшевистской «конференціи» уже съ полной очевидностью выяснилось, что на лицо существуетъ двѣ партіи, очень рѣзко отличающіяся одна отъ другой. Изъ одинаковыхъ посылокъ, пользуясь одинаковой марксистской терминологіей, враждующія фракціи с.-д. партіи дѣлали рѣзко, и даже враждебно, противоположные теоретическіе и практическіе выводы.

Обѣ группы готовились къ революціи, которая, по ихъ убѣжденію, должна была носить не соціалистическій, а «буржуазный» характеръ, т. е. привести къ установленію не соціалистическаго, а лишь конституціоннаго и демократическаго строя, къ замѣнѣ самодержавія свободнымъ парламентарнымъ государствомъ. Органомъ успѣшной революціи является временное правительство. Допустимо ли для соціалъ-демократіи участіе въ такомъ правительствѣ? Нѣтъ—отвѣчали рѣшительно меньшевики. Революція имѣетъ задачей «окончательную ликвидацію всего сословно-монархическаго режима». Временное правительство, ставя себѣ такую задачу, неизбѣжно «должно бороться» противъ тѣхъ факторовъ революціи, «которые угрожаютъ основамъ капиталистическаго строя». Поэтому соціалъ-демократія «не должна ставить себѣ цѣлью захватить или раздѣлить власть во временномъ правительствѣ, а должна оставаться партіей крайне революціонной оппозиціи»... «ко всѣмъ смѣняющимся въ ходѣ революціи правительствамъ». Такимъ образомъ с.-д. по мнѣнію меньшевиковъ, «всего лучше можетъ *подготовиться* къ использованію правительственной власти», если она въ будущемъ попадетъ въ ея руки.

Большевики давали другой отвѣтъ. Основной задачей является «постоянное давленіе на временное правительство со стороны вооруженнаго и руководимаго соціалъ-демократіей пролетаріата въ цѣляхъ охраны, упроченія и расширенія завоеваній революціи», но «въ зависимости отъ соотношенія силы и другихъ факторовъ, не поддающихся точному предварительному опредѣленію, *допустимо участіе во временномъ революціонномъ правительствѣ* въ цѣляхъ безпощадной борьбы со всѣми контръ-революціонными попытками и отстаиванія самостоятельныхъ интересовъ рабочаго класса». Нѣкоторая неопредѣленность этой формулировки была совершенно устранена, когда большевики рѣшительно высказались за «революціонно-демократическую диктатуру пролетаріата и крестьянства» въ интересахъ полнаго демократическаго переворота, проведенія въ жизнь партійной программы — минимумъ. При такихъ условіяхъ, т. е. при осуществленіи этой «диктатуры пролетаріата и крестьянства», для большевиковъ становится допустимымъ «участіе во временномъ революціонномъ правительствѣ»...

Эти резолюціи очень характерны для обѣихъ враждующихъ группъ русской соціалъ-демократіи. Теоретически резолюція меньшевиковъ радикальнѣе и послѣдовательнѣе съ точки зрѣнія ученія Маркса, чѣмъ резолюція большевиковъ. Меньшевики не согласны ни на іоту отступить отъ классовой позиціи. Пролетаріатъ, рабочій классъ — самый революціонный классъ въ современномъ обществѣ. Онъ толкаетъ всѣ другіе классы по пути прогресса, но только онъ одинъ и только своими чистыми руками, свободными отъ всякой буржуазной скверны, можетъ совершить соціалистическій переворотъ. Поэтому, ему нельзя идти ни въ какое «временное правительство», садиться за одинъ столъ съ филистимлянами, затушевывать свой соціалистическій идеалъ и брать отвѣтственность за грѣхи какого бы то ни было, хотя бы самаго радикальнаго и революціоннаго, «буржуазнаго» правительства.

Но большевики находили, что этотъ радикализмъ болѣе внѣшній, чѣмъ дѣйствительный, что на дѣлѣ меньшевики отдавали «гегемонію» (руководительство) революціей «либе-

раламъ». Большевики же, соглашаясь принять участіе во временномъ правительствѣ вмѣстѣ съ «революціоннымъ крестьянствомъ», тѣмъ самымъ сметаютъ буржуазію или дезорганизуютъ установленный ею строй и ведутъ революцію дальше. Я не критикую теперь тактики обѣихъ группъ—ясно вѣдь, что тактика большевиковъ на дѣлѣ означаетъ дезорганизацію не «буржуазіи», а революціи и самого рабочаго класса, локаутъ и нищету, а слѣдовательно и торжество реакціи,—я только характеризую...

Опубликованъ былъ законъ о выборахъ въ булыгинскую Государственную Думу (6 августа 1905 г.). Обѣ фракціи высказались за бойкотъ, но въ то время какъ большевики проповѣдывали «революціонный» бойкотъ, т.-е. насильственное уничтоженіе избирательныхъ урнъ и т. д., меньшевики сочинили мертворожденный планъ параллельныхъ выборовъ по всеобщему, прямому, равному и тайному праву. Нѣкоторая искусственность вообще была свойственна тактическимъ планамъ меньшевиковъ, тогда какъ большевики со свойственной всѣмъ демагогамъ безцеремонностью приглашали массу къ дѣйствіямъ грубымъ и вреднымъ, но для нея вполнѣ понятнымъ.

Октябрьская забастовка не прекратила фракціонной вражды. Измѣненіе избирательнаго закона 11 дек. 1905 г. и объявленіе выборовъ въ законодательную Государственную Думу повели только къ новымъ тактическимъ спорамъ. Большевики въ согласіи съ соціалистами-народниками всѣхъ толковъ высказались за бойкотъ и этихъ выборовъ. Меньшевики большею частью стояли за участіе въ выборахъ, оставляя въ тѣни вопросъ объ участіи въ работахъ Государственной Думы.

Лозунгъ бойкота не встрѣтилъ поддержки въ странѣ. Не только соціалисты-народники, снявъ свои партійные флаги, провели въ первую Государственную Думу нѣсколькихъ депутатовъ, организовавшихъ впослѣдствіи трудовую группу, но и рабочая масса приняла участіе въ выборахъ и послала своихъ выборщиковъ. Избирательныя побѣды ка-детъ (партіи народной свободы) внесли большое смущеніе въ ряды соціалъ-демократовъ, рѣшившихъ снова сдѣлать попытку объ-

2

единиться, пересмотрѣть свою тактику и измѣнить аграрную программу.

Съ этою цѣлью ранней весной состоялся въ Стокгольмѣ новый съѣздъ, который большевики пытались называть четвертымъ, но за которымъ утвердилось названіе «объединительнаго», хотя возвѣщенное имъ объединеніе осталось только на бумагѣ. Характерною особенностью этого съѣзда явилось то обстоятельство, что буквально по всѣмъ вопросамъ представлялись двѣ резолюціи, одна—отъ большевиковъ, другая отъ меньшевиковъ. Такъ какъ на съѣздѣ, кромѣ этихъ двухъ группъ, былъ еще небольшой внѣфракціонный центръ, то принятыя резолюціи носили характеръ компромисса, склоняясь то въ ту, то въ другую сторону. Но по многимъ важнѣйшимъ вопросамъ соглашенія добиться не удалось, и «объединительный» съѣздъ оставилъ по нимъ по два отдѣльныхъ, другъ другу рѣзко противорѣчащихъ, «мнѣнія», которыя впослѣдствіи и служили директивами для враждующихъ фракцій.

По аграрному вопросу программа была измѣнена. На второмъ съѣздѣ, на которомъ была провозглашена первая связная программа россійской соціалъ-демократической партіи, восторжествовала ленинская идея объ «отрѣзкахъ». Построена она была на довольно запутанныхъ теоретическихъ соображеніяхъ. Задача предстоящей буржуазной революціи—разсуждали ея сторонники—покончить съ остатками крѣпостничества, полуфеодальнаго хозяйства въ деревнѣ. Чѣмъ оно вызвано? Недостаточнымъ радикализмомъ реформы 1861 года, тѣмъ, что при освобожденіи крестьянъ, помѣщики отрѣзали часть земель, которыми крестьяне пользовались при крѣпостномъ правѣ. Вотъ эти-то отрѣзки, которые служатъ въ рукахъ помѣщиковъ орудіемъ для закабаленія крестьянъ, и подлежали возвращенію сельскимъ обществамъ или даромъ, если они оставались въ рукахъ потомства старыхъ помѣщиковъ, или «посредствомъ выкупа государствомъ за счетъ крупнаго дворянскаго землевладѣнія», если земли переходили изъ рукъ въ руки. Кромѣ того соціалъ-демократическая программа обѣщала крестьянамъ «возвращеніе денежныхъ суммъ, взятыхъ съ нихъ въ формѣ выкупныхъ и оброчныхъ платежей».

Нетрудно было разоблачить полную несостоятельность этой программы, основанной на историческихъ воспоминаніяхъ. Земля успѣла перемѣнить рядъ поколѣній владѣльцевъ. Кто же имѣетъ право на обратное полученіе выкупныхъ платежей? Тотъ ли, кто ихъ платилъ первые или послѣдніе годы? Какъ произвести разсчетъ? Сколько уйдетъ на это лѣтъ? Что касается «отрѣзковъ», то и тутъ съ 1861 г. положеніе значительно измѣнилось. Въ одномъ случаѣ «отрѣзки» перешли во владѣніе крестьянъ либо стараго сельскаго общества, либо иного. Какъ тутъ быть? Сплошь и рядомъ нынче «орудіемъ закабаленія» служатъ не старые «отрѣзки», а совсѣмъ другіе участки, конфискаціи не подлежащіе. Когда же извѣстный ка-детскій публицистъ по аграрнымъ вопросамъ М. Я. Герценштейнъ, производя статистическій подсчетъ, выяснилъ, что по плану передачи «отрѣзковъ» къ крестьянамъ всей Россіи отойдетъ всего 7—8 милліоновъ десятинъ, соціалъ-демократы пережили минуты величайшаго смущенія. А тутъ еще, сбоку отъ нихъ, появились соціалисты-революціонеры, выдвинувшіе радикальнѣйшую аграрную программу съ лозунгами «вся земля всему народу», съ проектами «націонализаціи» и «соціализаціи» земли. Соціалъ-демократамъ съ ихъ земельной программой не только «нельзя было сунуться въ деревню», но и на заводахъ, гдѣ среди рабочихъ было немало людей, далеко еще не порвавшихъ съ землей, соціалъ-демократамъ приходилось сплошь и рядомъ терпѣть пораженія отъ соціалистовъ-революціонеровъ.

Пересмотръ аграрной программы становился настоятельной необходимостью. Сдѣлать это предполагалось на 3-мъ партійномъ съѣздѣ, но онъ не состоялся, превратившись лишь въ съѣздъ большевиковъ. Большевики не рѣшились сами измѣнить программу и вышли изъ труднаго положенія пріемомъ, неслыханнымъ въ политической исторіи партій. Оставивъ программу такъ, какъ она была, они *тактической* резолюціей совершенно измѣнили ее для даннаго момента, провозгласивъ своей задачей «самую широкую поддержку всѣхъ революціонныхъ мѣропріятій крестьянства, способныхъ улучшить его положеніе, *вплоть до конфискаціи* помѣщичьихъ, казенныхъ, церковныхъ, монастырскихъ и удѣльныхъ земель».

Это означало слѣдующее. Крестьяне,—говорили имъ соціалъ-демократы,—не обращайте вниманія на нашу программу; если вы пойдете съ нами, берите всю землю, какую можете захватить, и дѣлайте съ ней все, что захотите, — мы васъ поддержимъ. Въ этомъ демагогическомъ стремленіи уловить крестьянъ, большевики дошли даже до такой нелѣпости, какъ конфискація (ее обыкновенно производитъ государство) государственныхъ земель. Государственныя земли отдавались на расхищеніе частнымъ лицамъ.

Понятно, что такая, чисто-демагогическая, тактическая резолюція не могла удовлетворить соціалъ-демократовъ, среди которыхъ немало ученыхъ политико-экономовъ. Начались работы по созданію новой аграрной программы. Скоро въ партіи обнаружилось три главныхъ теченія. Авторъ теоріи «отрѣзковъ» Ленинъ теперь выступилъ съ заимствованной у народниковъ идеей «національизаціи» земли («передачи всѣхъ земель въ общую собственность всего народа»), обусловивъ ее необходимостью предварительнаго установленія республики съ выборностью всѣхъ чиновниковъ. Другое теченіе, самое сильное, представлялось П. Масловымъ, рекомендовавшимъ «передачу» крупныхъ частновладѣльческихъ земель «во владѣніе самоуправляющихъ крупныхъ областныхъ организацій». Эта программа извѣстна подъ названіемъ «муниципализаціи» земли. Масловская программа отъ ленинской отличалась не только тѣмъ, что вмѣсто захватной «конфискаціи», т.-е. безплатнаго захвата помѣщичьихъ земель, предлагала неопредѣленную «передачу», но и тѣмъ, что не рѣшалась посягнуть на собственныя и надѣльныя крестьянскія земли. Областному народному представительству предоставлялось по программѣ Маслова установить «минимальный размѣръ подлежащихъ отчужденію земельныхъ участковъ». Наконецъ, третье теченіе, самое прямолинейное, къ которому склонялся и Ленинъ, если бы съѣздъ отвергъ его «національизацію», сводилось къ простому «раздѣлу»: пусть-де крестьяне захватятъ даромъ всю помѣщичью землю и подѣлятъ ее между собой, какъ хотятъ. Въ сущности этотъ проектъ былъ лишь повтореніемъ извѣстной «тактической резолюціи большевистскаго съѣзда.

Объединительный съѣздъ сдѣлалъ окрошку изъ всѣхъ трехъ программъ и послѣ долгихъ преній принялъ ее, какъ новую программу. Съѣздъ, согласно Ленину, высказался за «конфискацію» частно-владѣльческихъ земель, исключивъ однако, — по Маслову,—«мелкое землевладѣніе». Конфискованная земля передается «въ распоряженіе выбранныхъ на демократическихъ началахъ крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія» (Масловская «муниципализація»), но «земли, необходимыя для переселенческаго фонда, а также лѣса и воды, имѣющіе общее государственное значеніе, передаются во владѣніе демократическаго государства» (Ленинская «національизація»). Провозглашая программу, которая объясняется простой тактикой «поддерживанія революціонныхъ выступленій крестьянства вплоть до конфискаціи помѣщичьихъ земель», съѣздъ вспомнилъ объ основѣ марксистскаго ученія, о развитіи производительныхъ силъ, и поспѣшилъ оговориться, что партія «будетъ противодѣйствовать всякимъ попыткамъ задерживать ходъ экономическаго развитія». Въ этихъ видахъ партія, въ случаѣ невозможности «муниципализаціи», выскажется за раздѣлъ между крестьянами тѣхъ помѣщичьихъ земель, на которыхъ фактически ведется мелкое хозяйство, или которыя составляютъ необходимыя для его округленія угодія». «Раздѣлъ» высоко культурныхъ угодій едва-ли будетъ способствовать «ходу экономическаго развитія»...

Но тутъ соціалъ-демократы вспомнили о томъ, что въ деревнѣ, кромѣ крестьянъ, существуютъ еще сельско-хозяйственные рабочіе, нерѣдко работающіе у крестьянъ. Въ погонѣ за крестьянами, соціалъ-демократы сначала забыли о батракахъ, а затѣмъ къ концу программы прибавили дополненіе, что «во всѣхъ случаяхъ» они ставятъ своей задачей «неуклонно стремиться къ самостоятельной классовой организаціи сельскаго пролетаріата, разъяснять ему непримиримую противоположность его интересовъ интересамъ крестьянской буржуазіи, предостерегать его отъ обольщенія системой мелкаго хозяйства» и т. д. и т. д. Такимъ образомъ, соціалъ-демократическая партія въ одной и той-же программѣ и содѣйствуетъ развитію мелкаго хозяйства и предостерегаетъ

отъ обольщенія его системой, объявляетъ себя партіей чисто-классовой и поддерживаетъ одинаково и хозяина и работника, организуя однихъ (при помощи «муниципализаціи») противъ другихъ (самостоятельная «классовая организація» сельскаго пролетаріата)...

Выше было указано, что по всѣмъ вопросамъ съѣзду представлялись параллельно двѣ резолюціи, меньшевистская и большевистская. Интересно ознакомиться съ важнѣйшими изъ нихъ, такъ какъ съ 1906 г. вплоть до нынѣшней революціи политическое творчество дало мало новаго и въ мартовскіе дни 1917 г. «большевики» выступили со всѣми своими боевыми лозунгами 1905—1906 годовъ. Что же касается меньшевиковъ, то, оглушенные большевистской демагогіей и подавленные ея успѣхомъ, они не всегда удерживались на своихъ позиціяхъ.

По вопросу объ отношеніи къ Государственной Думѣ, меньшевики высказались за участіе въ выборахъ и за образованіе въ Государственной Думѣ соціалъ-демократической фракціи. Большевики продолжали оправдывать бойкотъ, находя, что образованіе парламентской фракціи грозитъ «скомпрометировать партію» и «возложить на нее отвѣтственность за особенно вредный типъ парламентаріевъ, средній между кадетами и соціалъ-демократами». Съѣздъ въ этомъ вопросѣ пошелъ всецѣло за меньшевиками, а послѣ роспуска второй Думы и измѣненія избирательнаго закона уже значительная часть большевиковъ боролась противъ лозунга «бойкота» столыпинской третьеіюньской Думы, удержаннаго соціалистами-революціонерами.

Была вынесена съѣздомъ резолюція о вооруженномъ возстаніи, при чемъ восторжествовала точка зрѣнія меньшевиковъ. Предостерегая противъ попытокъ «вовлечь пролетаріатъ въ вооруженное возстаніе при неблагопріятныхъ условіяхъ», съѣздъ нашелъ, что «побѣда народнаго возстанія мыслима только въ случаѣ дезорганизаціи войска и перехода по крайней мѣрѣ части его на сторону народа и что войско можетъ перестать быть послушнымъ орудіемъ въ рукахъ правительства и... перейти на сторону народа *только при рѣшительномъ и активномъ участіи* въ возстаніи вмѣстѣ съ

пролетаріатомъ *широкихъ слоевъ городской буржуазіи и крестьянства»*.

Большевики же говорили, главнымъ образомъ, объ единовременныхъ боевыхъ выступленіяхъ рабочихъ и крестьянъ и, ослѣпленные бутафоріей «московскаго возстанія», утверждали, что «декабрьское возстаніе выдвинуло новую баррикадную тактику и доказало вообще *возможность открытой вооруженной борьбы народа даже противъ современнаго войска»*.

Очень интересно обнаружившееся различіе мнѣній по вопросу о «партизанскихъ выступленіяхъ». Подъ этимъ благозвучнымъ именемъ кроются нападенія на должностныхъ лицъ и насильственный захватъ казеннаго и частнаго имущества, капиталовъ и проч.

Меньшевики признавали «неизбѣжность активной борьбы противъ правительственнаго террора и насилія черносотенцевъ», устраивающихъ погромы, но въ то же время предлагали «бороться противъ выступленія отдѣльныхъ лицъ и группъ съ цѣлью личной наживы подъ именемъ или съ девизомъ с.-демокр. партіи». Меньшевики отвергали «экспропріацію денежныхъ капиталовъ въ частныхъ банкахъ и всѣ формы принудительныхъ взносовъ для цѣлей революціи», а «разрушеніе и порчу казенныхъ зданій, желѣзныхъ дорогъ и другихъ сооруженій казенныхъ и частныхъ», признавали возможнымъ только «въ случаяхъ, когда съ этимъ сопряжена непосредственная боевая цѣль». Конфискацію капиталовъ Гос. Банка, Казначействъ и другихъ правительственнныхъ учрежденій меньшевики допускали «только въ случаѣ образованія Революціоннаго Правительства» «публично, съ согласія населенія и при полной отчетности». Большевики же находили партизанскія выступленія «необходимыми для боевого воспитанія и военнаго обученія нашихъ боевыхъ дружинъ», и допустимыми «для захвата денежныхъ средствъ, принадлежащихъ непріятелю т. е. самодержавному правительству» и для «разрушенія правительственнаго, полицейскаго и военнаго аппаратовъ». Никакихъ оговорокъ о судьбѣ капиталовъ банковъ и частныхъ лицъ или о недопустимости «принудительныхъ взносовъ» въ резолюціи большевиковъ нѣтъ. Все, что они обѣщаютъ, это только «обратить серьезное

вниманіе на то, чтобы интересы населенія были возможно менѣе нарушаемы». Это достаточно неопредѣленно, но будемъ надѣяться, что правила, принятыя при существованіи «самодержавнаго правительства», утратили свою силу при замѣнѣ его временнымъ правительствомъ, призваннымъ созвать Учредительное Собраніе... «Объединительный» съѣздъ въ этомъ вопросѣ пошелъ всецѣло за меньшевиками и принялъ ихъ резолюцію.

Когда обсуждались резолюціи объ отношеніи къ другимъ партіямъ, большевики допускали соглашенія только съ партіями лѣвѣе к.-д. и намѣчали тактику «лѣваго блока», а меньшевики, отстаивая полную самостоятельность и чистоту классовой позиціи соціалъ-демократіи, допускали соглашенія съ демократическими партіями, когда этого требуетъ «польза для дѣла», не отдѣляя особо кадетовъ отъ трудовиковъ и соціалистовъ-революціонеровъ.

Заслуживаютъ отмѣтки еще резолюціи о Совѣтахъ рабочихъ депутатовъ, сыгравшихъ такую крупную роль въ нынѣшнемъ движеніи, сорганизовавшихся и дѣйствующихъ—надо это признать—всецѣло по плану большевиковъ, какъ онъ былъ намѣченъ ими еще десять лѣтъ тому назадъ.

И меньшивики и большевики одинаково признавали необходимымъ созданіе такихъ безпартійныхъ совѣтовъ. Но по плану меньшевиковъ эти совѣты должны быть составлены изъ «широкихъ *рабочихъ* массъ» и лишь «принимать всѣ мѣры, чтобы не оставить пролетаріатъ изолированнымъ». Большевики же прямо заявили, что «къ участію въ безпартійныхъ совѣтахъ рабочихъ депутатовъ должно привлекать возможно болѣе широкіе слои рабочихъ, а также представителей революціонной демократіи, особенно изъ крестьянъ, солдатъ и матросовъ». Въ такихъ совѣтахъ большевики, въ отличіе отъ меньшевиковъ, видѣли не только органы борьбы, но и «зачатки революціонной власти», при чемъ подчеркивали, что «при расширеніи дѣятельности и сферы вліянія совѣтовъ рабочихъ депутатовъ необходимо указывать на то, что такія учрежденія, не опираясь на революціонную армію и не свергая правительственныхъ властей, (т. е. не

превращаясь во временныя революціонныя правительства), неибѣжно осуждены на паденіе». Эти резолюціи, составленныя болѣе 10 лѣтъ тому назадъ, проливаютъ яркій свѣтъ на многіе факты, волнующіе теперь русское общественное мнѣніе и показываютъ, къ чему надо готовиться.

Изъ всѣхъ рѣшеній «Объединительнаго съѣзда» практически наиболѣе важнымъ оказалось постановленіе объ образованіи думской социалъ-демократической фракціи. Никакого объединенія на самомъ дѣлѣ не произошло. И въ центральныхъ заграничныхъ организаціяхъ и въ мѣстныхъ комитетахъ продолжалась разруха, вызываемая борьбой группъ. Меньшевики и большевики издавали свои отдѣльныя газеты, въ которыхъ жестоко обличали другъ друга. Парламентская фракція оставалась внѣшне единой, хотя и внутри ея шла очень острая борьба.

Внутри—партійныя распри приводили въ возмущеніе не только соціалъ-демократовъ—интеллигентовъ, но и довольно уже многочисленный слой передовыхъ рабочихъ, выдвинувшихся дѣловой работой въ профессіональныхъ союзахъ, больничныхъ кассахъ, рабочихъ клубахъ. Несмотря на то, что правительство послѣдовательно пресѣкало всѣ попытки самодѣятельности рабочихъ, даже слабая возможность легальной работы создавала и у насъ кадры болѣе разумныхъ и осторожныхъ политиковъ, чѣмъ вскормленные подпольемъ большевики. Эти элементы русской соціалъ-демократіи выступили съ планомъ оздоровленія партіи при помощи массового, и по возможности открытаго, привлеченія къ ней рабочихъ. Меньшевики выдвинули идею «рабочаго съѣзда». Большевики не замедлили обвинить ихъ въ старомъ грѣхѣ «экономизма», въ приниженіи «революціонной сознательности» «тредъ-юніонистской стихійностью» и т. д. Когда же среди сторонниковъ оздоровленія партіи выдвинулось болѣе рѣшительное крыло, руководимое А. Н. Потресовымъ, и потребовало «ликвидаціи» старыхъ нелегальныхъ партійныхъ органовъ съ замѣной ихъ новыми, избираемыми при участіи входящихъ въ партію рабочихъ массъ, то и среди меньшевиковъ очень многіе ополчились противъ «ликвидаторовъ». Такъ появилось въ средѣ русской соціалъ-демократіи новое,

третье, теченіе, «ликвидаторское», сущность котораго видѣли въ желаніи замѣнить старыя нелегальныя формы партійной организаціи новыми, во всякомъ случаѣ открытыми, если не удастся добиться ихъ легализаціи.

Подъ шумъ борьбы большевиковъ, меньшевиковъ и ликвидаторовъ было расколото уже въ IV Гос. Думѣ и послѣднее объединенное партійное учрежденіе, парламентская соціалъ-демократическая фракція. Расколъ произвелъ депутатъ отъ Московскихъ рабочихъ Малиновскій, увлекшій въ особую большевитскую фракцію почти всѣхъ депутатовъ рабочей куріи. Незадолго до начала войны Малиновскій при очень таинственной обстановкѣ вышелъ изъ состава членовъ Гос. Думы и спѣшно уѣхалъ за границу. Передъ этимъ всѣ его усилія были направлены на то, чтобы вызвать рабочихъ на улицу. Послѣ революціи въ руки В. Бурцева попалъ матеріалъ, позволившій ему твердо установить, что этотъ талантливѣйшій изъ рабочихъ депутатовъ былъ провокаторомъ, что въ Гос. Думу онъ былъ проведенъ при содѣйствіи полиціи, его парламентскія выступленія направлялись и редактировались самимъ директоромъ департамента полиціи Бѣлецкимъ и т. д. У насъ часто злоупотребляютъ словомъ «провокаторъ», называя этимъ именемъ простыхъ шпіоновъ, освѣдомителей и проч. Но Малиновскій, какъ и Азефъ, былъ дѣйствительнымъ провокаторомъ въ полномъ смыслѣ слова. Въ своей партійно-политической работѣ онъ руководился ясной директивой департамента полиціи, выраженной въ одномъ изъ недавно распубликованныхъ циркуляровъ (№ 190,791) въ такихъ словахъ: «департаментъ полиціи считаетъ необходимымъ предложить начальникамъ всѣхъ розыскныхъ учрежденій безотлагательно внушить подвѣдомственнымъ имъ секретнымъ сотрудникамъ, чтобы они, участвуя въ разнаго рода партійныхъ совѣщаніяхъ, неуклонно и настойчиво проводили и убѣдительно отстаивали идею полной невозможности какого-бы то ни было организаціоннаго слiянія этихъ теченій, а въ особенности объединенія большевиковъ съ меньшевиками».

Война перемѣшала карты и въ россійской соціалъ-демократіи. Сквозь всѣ фракціи прошла новая раздѣлительная

черта, хотя въ главномъ основное дѣленіе на большевиковъ и меньшевиковъ сохранилось. «Ликвидаторы» исчезли. По отношенію къ войнѣ выяснились три теченія: одно рѣзко отрицательное, подлинные «пораженцы», пробовавшіе выступать съ кличемъ «долой войну!» и припрятавшіе его только въ виду сильнаго недовольства солдатской массы; второе теченіе, самое неопредѣленное, непродуманное, но наиболѣе распространенное—«оборонцы», люди, стоящіе за немедленное прекращеніе войны и заключеніе мира «безъ аннексій и контрибуцій», и третье теченіе, руководимое Плехановымъ, понимающее всю сложность современныхъ международныхъ отношеній и всю пустоту лозунга «безъ аннексій», когда Германія, помимо территорій, захваченныхъ у непріятеля, уже фактически «аннектировала» своихъ союзниковъ Австрію, Болгарію, Турцію и, завладѣвъ проливами, уже заперла насъ въ Черномъ морѣ. Основными представителями перваго теченія являются большевики съ Ленинымъ и «Правдой». Къ нимъ примыкаютъ нѣкоторыя группы анархистовъ и соціалистовъ-революціонеровъ. Второе теченіе захватило виднѣйшихъ представителей меньшевизма, думскую соціалъ-демократическую фракцію, народныхъ соціалистовъ, значительную часть, пожалуй большинство, соціалистовъ-революціонеровъ и очень много элементовъ изъ той промежуточной интеллигентной среды, которая всегда опредѣляла себя терминомъ «лѣвѣе кадетъ». Наконецъ, третье теченіе, желающее дѣйствовать въ согласіи съ большинствомъ французскихъ, англійскихъ и бельгійскихъ соціалистовъ, вѣроятно отольется въ особую соціалъ-демократическую группу «Единство».

Таково нынѣшнее положеніе дѣлъ въ соціалъ-демократической партіи, безспорно наиболѣе вліятельной среди городского фабрично-заводскаго пролетаріата.

Въ концѣ девяностыхъ годовъ начала оформливаться наша вторая крупная соціалистическая партія, принявшая названіе соціалистовъ-революціонеровъ. Если соціалъ-демократическая партія признавала свое преемство съ революціонно-политической стороной дѣятельности «Народной Воли»,

то партія соціалистовъ-революціонеровъ прямо считала себя идейнымъ дѣтищемъ народовольцевъ. Она, по ея утвержденію, восприняла не только тактическіе методы народовольцевъ (терроръ), но и народническія основы ихъ соціализма и философское его обоснованіе. Эти утвержденія справедливы въ значительной мѣрѣ, но не всецѣло. Партія соціалистовъ-революціонеровъ сложилась подъ сильнѣйшимъ воздѣйствіемъ соціалъ-демократіи, быть можетъ не столько даже русской, сколько европейской. Это вліяніе наложило печать на всю партію, сдѣлавъ ея идейную физіономію блѣдной и расплывчатой. Этимъ объясняется и то, что внутреннія группировки и межеванія среди соціалистовъ-революціонеровъ не имѣли до сихъ поръ ни того драматизма, ни того глубокаго идейнаго значенія, которыми, несомнѣнно, отличаются внутренніе расколы среди русской соціалъ-демократіи, носящіе—какъ это ни парадоксально — ярко выраженный національный характеръ.

Если мы вздумаемъ сравнивать отдѣльные пункты программы соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ, то мы не получимъ яснаго представленія о дѣйствительной сущности этихъ партій. Укажу, напр., на такой фактъ. Партія соціалъ-демократовъ всегда подчеркиваетъ, что она является партіей рабочихъ, пролетаріата. Сообразно съ этимъ у нея очень подробно разработана рабочая программа. Въ ней указана, напр., такая частность, какъ устройство при всѣхъ предпріятіяхъ, гдѣ работаютъ женщины, яслей для грудныхъ и малолѣтнихъ дѣтей. Хотя въ программѣ партіи народной свободы этого спеціальнаго требованія нѣтъ, но оно, понятно, входитъ въ общее понятіе «охраны труда женщинъ» и будетъ поддержано и этой партіей. Я указалъ на это, лишь какъ на примѣръ, до какихъ подробностей развита рабочая программа соціалъ-демократовъ. И, тѣмъ не менѣе. въ одномъ чрезвычайно важномъ пунктѣ соціалистамъ-революціонерамъ, позднѣе составлявшимъ свою программу, удалось опередить соціалъ-демократовъ. Программа послѣднихъ говоритъ: «Партія требуетъ: 1) ограниченія рабочаго дня восемью часами въ сутки для всѣхъ наемныхъ рабочихъ». А соціалисты-революціонеры взяли и написали: «Партія будетъ отстаивать: воз-

можно-большее сокращеніе рабочаго времени сообразно нормамъ, указаннымъ научною гигіеной (въ ближайшее время—восьмичасовая норма для большинства отраслей производства и соотвѣтственно меньшая въ болѣе опасныхъ и вредныхъ для здоровья). Соціалисты-революціонеры дали, такимъ образомъ, «больше» и, если бы сводить все дѣло только къ программѣ, то можно было бы вообразить, что рабочіе найдутъ соціалъ-революціонную программу дли себя болѣе заманчивой. На самомъ дѣлѣ, это далеко не такъ, и, если бы соціалисты-революціонеры провозгласили прямо вмѣсто восьми-семичасовой рабочій день, пролетаріатъ въ главной массѣ все-таки продолжалъ бы считать своей партіей не ихъ, а соціалъ-демократовъ. Есть нѣчто болѣе важное, чѣмъ программные посулы партіи, это—духъ ея.

А для духа партіи соціалистовъ-революціонеровъ характерны: 1) обоснованіе ея соціализма, 2) аграрная программа и 3) терроръ, какъ средство борьбы.

Соціалъ-демократы обосновываютъ свой соціализмъ на теоріи классовой борьбы. Исторія сводится къ борьбѣ классовъ. Въ современномъ обществѣ живутъ и борются три класса: вымирающій земельный феодализмъ, разныхъ ранговъ буржуазія и пролетаріатъ. Только послѣдній является носителемъ соціализма, осуществляемаго путемъ соціальной революціи. Въ революціонной борьбѣ пролетаріатъ захватываетъ политическую власть, устанавливаетъ свою *диктатуру* и рядомъ мѣръ организуетъ общественное производство на началахъ соціализма. Эта идея «диктатуры пролетаріата» надъ всѣми остальными общественными классами и группами является центральной для марксизма и для опирающейся на него соціалъ-демократіи. Въ чистомъ видѣ эта идея содержится у меньшевиковъ. Большевики же, какъ болѣе реальные демагоги, понимая, что однѣхъ силъ пролетаріата для захвата политической власти и установленія его диктатуры недостаточно, присоединили сюда и диктатуру крестьянства. Съ точки зрѣнія марксизма это безсмыслица. Крестьянство—классъ противосоціалистическій. Диктатура же пролетаріата нужна для соціалистическаго переворота. Провозглашать поэтому совмѣстную диктатуру пролетаріата и кре-

стьянства значитъ впрягать въ одну колесницу лебедя и рака. Такъ выходитъ по марксистской теоріи. На это нерѣдко большевикамъ указывали меньшевики. Но большевики возражали, что солдаты—одѣтые въ сѣрыя шинели крестьяне, а безъ ихъ содѣйствія успѣхъ революціи невозможенъ. Передъ силой такого довода умолкали всякія теоретическія соображенія.

Соціалисты-революціонеры своими идейными отцами считаютъ не Маркса и Энгельса, а П. Л. Лаврова и Н. К. Михайловскаго. Свой соціализмъ они выводятъ не изъ классовой теоріи, не изъ того факта, что въ современномъ обществѣ есть специфическій классъ пролетаріатъ, предназначенный исторіей для осуществленія соціализма. По мнѣнію соціалистовъ-революціонеровъ соціализмъ рождается въ результатѣ «борьбы за всестороннее и гармоническое развитіе человѣческой индивидуальности». Но душа соціалистовъ-революціонеровъ, воспитанныхъ на «формулѣ прогресса» Н. К. Михайловскаго, съ перваго же ихъ выхода на политическую арену была отравлена сильнымъ ядомъ марксизма. Поэтому въ программѣ рядомъ съ этой философіей всесторонняго «гармоническаго развитія человѣческой личности» вы встрѣтите совершенно съ нею несогласованныя марксистскія разсужденія о классахъ, объ ихъ роли и значеніи. Поэтому сейчасъ же вслѣдъ за указаніемъ, какъ на свои дѣйствующія силы, на «пролетаріатъ, трудовое крестьянство и революціонно-соціалистическую интеллигенцію, неожиданно слѣдуетъ такой плохой списокъ съ марксистскаго оригинала. «Осуществленіе полностью ея (соціалъ-революціонной) программы, т. е. экспропріація капиталистической собственности и реорганизація производства и всего общественнаго строя на соціалистическихъ началахъ, предполагаетъ полную побѣду *рабочаго класса*, организованнаго въ соціалъ-революціонную партію, и, въ случаѣ надобности, установленіе *его временной революціонной диктатуры*». Прыжокъ отъ «гармоническаго развитія человѣческой личности» къ порабощенію ея «диктатурой», совмѣщеніе въ программѣ «*полной* свободы совѣсти, слова, печати, собраній... полнаго и всеобщаго гражданскаго равноправія.., неприкосновенности личности и жилища» съ

«революціонной диктатурой» не дѣлаются болѣе логичными отъ того, что къ слову «диктатура» прибавлено слово «временная». Умнѣйшіе изъ самодержцевъ тоже всегда говорили, что ихъ самодержавіе «временное», пока не созрѣетъ народъ. Несомнѣнно, что соціалисты-революціонеры просто капитулировали передъ соціалъ-демократами, правильно чувствуя, что именно элементъ «диктатуры» пролетаріата и привлекаетъ къ соціалъ-демократіи сердце рабочихъ. Но въ то время, какъ у соціалъ-демократовъ эта диктатура, сама по себѣ вредная и противообщественная, является, все же, логическимъ завершеніемъ ихъ ученія, у соціалистовъ-революціонеровъ она носитъ характеръ случайный, открывающій выходы и входы не классовымъ страстямъ, а лишь анархическимъ порывамъ. Такъ, оно, какъ извѣстно, и было въ 1906 году, когда изъ партіи начали выдѣляться анархистскія и максималистскія группы, довольно логически замѣнявшія «диктатуру рабочаго класса, организованнаго въ соціалъ-революціонную партію» диктатурами своихъ собственныхъ кружковъ и группъ.

Недаромъ послѣ отдѣленія отъ соціалистовъ-революціонеровъ народныхъ соціалистовъ вождь послѣднихъ А. В. Пѣшехоновъ въ открытомъ письмѣ В. М. Чернову весьма ядовито писалъ по поводу введенія партіей «диктатуры»: «я долго склоненъ былъ думать, что это только словесность, обусловленная желаніемъ выдержать конкурренцію съ соціалъ-демократіей. Но теперь начинаю опасаться, что эта словесность скажется на судьбахъ партіи. И — кто знаетъ — большевистскія теоріи, которыя теперь развиваются на страницахъ «Сознательной Россіи» (тогдашній с.-р. журналъ) и большевистская практика, какой партія придерживается въ отношеніи къ безпартійнымъ организаціямъ и которая во многомъ напоминаетъ захватъ власти, не находятся ли если не въ логической, то въ психологической связи съ установленіемъ, въ случаѣ надобности, временной революціонной диктатуры».

Главное отличіе партіи соціалистовъ-революціонеровъ отъ соціалъ-демократовъ лежитъ въ аграрной программѣ. Въ ней сказывается народническое происхожденіе партіи, ея

общинныя симпатіи, въ ней источникъ ея вліянія въ крестьянскихъ массахъ. Въ обоснованіи проекта своей программы партія говоритъ, что она «ставитъ цѣлью использовать въ интересахъ соціализма и борьбы противъ буржуазно-собственническихъ началъ, какъ общинныя, такъ и вообще трудовыя воззрѣнія, традиціи и формы жизни русскаго крестьянства и въ особенности на землю, какъ на общее достояніе всѣхъ трудящихся». Дѣйствительно въ своемъ проектѣ аграрной программы соціалисты-революціонеры стоятъ «за соціализацію всѣхъ частно-владѣльческихъ земель, т. е. за изъятіе ихъ изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ и переходъ въ общественное владѣніе и въ распоряженіе демократически организованныхъ общинъ и территоріальныхъ союзовъ общинъ на началахъ уравнительнаго пользованія». Партія предлагаетъ, такимъ образомъ, отобрать у частныхъ собственниковъ *всю* ихъ землю и передать ее въ собственность общинамъ, которыя должны распредѣлять землю между своими членами на началахъ уравнительнаго пользованія, по-просту говоря, періодически передѣлять землю среди своихъ членовъ, какъ дѣлала наша община Теперь уже всѣми признано, что такого рода болѣе или менѣе частые передѣлы не совмѣстимы съ хорошей обработкой земли, съ затратой на нее большихъ капиталовъ и труда. Кто станетъ удобрять свою землю, затрачивать большія деньги на ея улучшеніе, устраивать огороды, разводить высокія культуры, сажать деревья и ягодные кустарники, если онъ не увѣренъ въ прочности своего владѣнія, если каждый приростъ населенія въ общинѣ грозитъ ему передѣломъ, отнятіемъ части участка или смѣной всего владѣнія.

Никакое денежное вознагражденіе за произведенныя улучшенія тутъ не поможетъ. Если недопустимъ былъ насильственный Столыпинскій разгромъ общины, то еще менѣе допустимо обращеніе всей русской земли въ общинную. Это означало бы возвратъ къ варварству, такое пониженіе производительности земли, что и «уравнительно-пользующіеся землей» крестьяне были бы просто уравнительно-голодными людьми, да и города наши, фабрики и заводы остались бы безъ хлѣба.

Такимъ образомъ «соціализація земли» соціалистовъ-революціонеровъ есть въ сущности не что иное, какъ распространеніе общиннаго передѣльнаго владѣнія на всю русскую землю. Идея эта въ такой мѣрѣ утопична и нежизненна, что отдѣлившаяся отъ соціалистовъ-революціонеровъ партія «народныхъ соціалистовъ» отвергла «соціализацію» и высказалась за «національзацію земли». По ихъ плану земля обращается въ «общенародную (государственную) собственность съ тѣмъ, чтобы земли, предназначаемыя для сельскаго хозяйства, отдавались въ пользованіе только тѣмъ, кто ихъ будетъ обработывать своимъ личнымъ трудомъ». Такую «національзацію» народные соціалисты рекомендуютъ производить «постепенно», допуская уплату за отбираемыя земли «минимальнаго вознагражденія» «на общегосударственный счетъ». «Завѣдываніе земельнымъ фондомъ, за исключеніемъ земель, имѣющихъ общегосударственное значеніе, должно принадлежать органамъ мѣстнаго самоуправленія. Всѣ граждане должны имѣть *равное* право на пользованіе *свободными* землями, при чемъ за мѣстнымъ и земледѣльческимъ населеніемъ должно быть сохранено право на надѣленіе въ первую очередь». Въ этой части своей программы «національзація» народныхъ соціалистовъ нѣсколько приближается къ масловской «муниципализаціи», включенной въ соціалъ-демократическую программу. По проекту Маслова отчуждаемыя у крупныхъ землевладѣльцевъ земли отходятъ *въ собственность* крупныхъ органовъ мѣстнаго самоуправленія (земствъ, городскихъ самоуправленій). Трудовое населеніе является только арендаторами земли у земствъ и муниципалитетовъ на тѣхъ условіяхъ, которыя выработаютъ эти демократическіе органы мѣстнаго самоуправленія, иногда съ преобладающимъ участіемъ городскихъ классовъ. Соціалисты-революціонеры въ своемъ первомъ планѣ программы передавали землю въ собственность общинамъ, т. е. мелкимъ мѣстнымъ ячейкамъ, предписывая имъ уравнительное землепользованіе. Народные соціалисты право собственности на землю оставляютъ за государствомъ, передавая органамъ мѣстнаго самоуправленія лишь «завѣдываніе» земельнымъ фондомъ. Вмѣсто обязательнаго уравнительнаго пользованія народные соціалисты при-

знали за гражданами лишь «равное право на пользованіе *свободными* землями». Земли не свободныя, т. е. очевидно уже занятыя землеробами, этому праву «всѣхъ гражданъ» какъ будто не подлежатъ. Въ этомъ пунктѣ, въ сущности, самомъ важномъ, такъ какъ имъ опредѣляется степень прочности владѣнія участкомъ, столь существенная для развитія культуры, программа народныхъ соціалистовъ грѣшитъ большой неясностью. Оговорка о преимущественномъ правѣ на надѣленіе со стороны мѣстнаго и земледѣльческаго населенія вызвана, очевидно, проектомъ платформы третьей народнической партіи, «трудовой группы», которая не считаясь ни съ какой земельной статистикой, прямо объявила, что земля съ ея нѣдрами и водами должна принадлежать всему народу при условіи равнаго пользованія ею, что землей долженъ пользоваться только тотъ, кто трудится на ней и въ такомъ количествѣ, сколько онъ можетъ обработать. Провозгласить на бумагѣ эти начала не трудно, но при первой попыткѣ проведенія ихъ въ жизнь станетъ ясно, что они противорѣчатъ одно другому. Если раздѣлить всю россійскую землю на число людей, желающихъ ее обрабатывать (не считая, конечно, тундръ, лѣсовъ, болотъ, песковъ), то выйдетъ, что на долю каждаго едва ли придется столько, сколько онъ можетъ обработать. По нѣкоторымъ подсчетамъ не хватитъ 190 милл. десятинъ, т. е. столько же, сколько всего имѣется обрабатываемой земли. А провозгласивъ право «равнаго пользованія», надо признать и право постоянныхъ передѣловъ. Попробуйте-ка однако отнять земли у кубанскихъ или донскихъ казаковъ или у самарскихъ и таврическихъ степняковъ для надѣленія ими бѣлорусскихъ, либо армянскихъ, либо латышскихъ переселенцевъ! Народные соціалисты, какъ люди образованные, не могли не предусматривать, къ чему можетъ повести такого рода «равное пользованіе», а потому и высказались за надѣленіе мѣстнаго населенія въ первую очередь. Впрочемъ, и трудовики, пообѣщавъ «равное» надѣленіе, поспѣшили сдѣлать оговорки.

Изъ этого краткаго обзора можно видѣть, что основная аграрная идея партіи соціалистовъ-революціонеровъ, «соціализація земли» была отвергнута даже другими народни-

ческими группами. Въ виду оппозиціи въ своей собственной средѣ партія соціалистовъ-революціонеровъ на своемъ первомъ съѣздѣ въ январѣ 1906 г. внесла значительныя поправки въ проектъ своей программы, приблизивъ ее еще болѣе къ программѣ соціалъ-демократовъ. Въ этой новой программѣ (цитирую ее по приложенію къ № 1 вологодской газеты «Вольный Голосъ Сѣвера», мартъ 1917 г.) «соціализація земли» опредѣляется уже значительно иначе. Подъ «соціализаціей» разумѣется «изъятіе земли изъ товарнаго оборота и обращеніе изъ частной собственности отдѣльныхъ лицъ или группъ въ общенародное достояніе на слѣдующихъ началахъ: всѣ земли поступаютъ въ завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправленія, начиная отъ демократически организованныхъ безсословныхъ сельскихъ и городскихъ общинъ и кончая областными и центральными учрежденіями; пользованіе землей должно быть уравнительно трудовымъ, т. е. обезпечивать потребительную норму на основаніи приложенія собственнаго труда единоличнаго или въ товариществѣ». Общинная идея, какъ видимъ, потерпѣла при пересмотрѣ программы умаленіе. Идея «соціализаціи», подъ которой раньше разумѣлась собственность общинъ, превратилась съ одной стороны въ «націонализацію» («общенародное достояніе»), съ другой въ «муниципализацію» («завѣдываніе центральныхъ и мѣстныхъ органовъ народнаго самоуправленія»). Вмѣсто уравнительныхъ передѣловъ введена «потребительная норма». Авторы программы, видимо, вовсе не задумывались надъ тѣмъ, что, если вся земля будетъ роздана крестьянамъ въ размѣрѣ удовлетворенія «потребительной нормы», то неоткуда будетъ взять хлѣба ни для городовъ, ни для фабрикъ. Сдѣлана попытка замѣнить общину «товариществомъ», въ чемъ нельзя не видѣть признанія силы кооперативнаго движенія.

Чтобы догнать большевиковъ, обѣщавшихъ крестьянамъ землю даромъ, и соціалисты-революціонеры при установленіи программы вмѣсто умолчанія въ проектѣ о способѣ отчужденія, заявили, что «земля обращается въ общенародное достояніе безъ выкупа; за пострадавшими отъ этого имущественнаго переворота признается лишь право на общественную

поддержку на время, необходимое для приспособленія къ новымъ условіямъ личнаго существованія».

Въ первоначальномъ проектѣ кромѣ аграрной программы—максимумъ («соціализаціи») у соціалистовъ-революціонеровъ, была еще программа-минимумъ, вполнѣ пріемлемая и для членовъ партіи народной свободы. На съѣздѣ, происходившемъ подъ знакомъ равненія по большевикамъ, эта вторая часть программы, какъ самостоятельное цѣлое, была уничтожена.

Третій отличительный признакъ партіи соціалистовъ-революціонеровъ ихъ тактика—терроръ. Смѣлые удары, убійство Плеве, вел. кн. Сергѣя и другихъ лицъ придали партіи большой блескъ. Но терроръ, создавъ партіи ореолъ самаго крайняго революціонализма, въ то же время и погубилъ ее. Черезъ терроръ въ партію проникла злостная провокація, «азефовщина» и выгрызла нутро партіи.

Уже въ концѣ 1905 года партія начала разлагаться. Слѣва отъ нея стали почковаться анархистскія и максималистскія группки, освободившія себя отъ всякихъ моральныхъ узъ, выступавшія съ самыми нелѣпыми планами немедленнаго введенія соціализма путемъ захвата отдѣльныхъ фабрикъ, на которыхъ работаетъ болѣе 5 рабочихъ, и т. д. и т. д. Усвоенная партіей тактика бойкота выборовъ въ Гос. Думу привела къ образованію двухъ группъ справа отъ нея. Съ одной стороны, въ первой Гос. Думѣ нѣкоторые проникшіе въ нее эсъ-эровски настроенные интеллигенты создали изъ крестьянъ трудовую группу безъ опредѣленной программы, со смутной физіономіей, но съ яркимъ демагогическимъ лозунгомъ «вся земля всему народу». Съ другой стороны обособились крупнѣйшія народническія литературно-научныя силы, сложившіяся въ «партію народныхъ соціалистовъ». Причиной отхода, судя по полемикѣ между А. В. Пѣшехоновымъ и В. М. Черновымъ, послужили рѣзкое отношеніе къ лозунгу республики, недовольство стремленіемъ соціалистовъ-революціонеровъ къ «диктатурѣ» и теоретическая слабость аграрной программы, этой туманной «соціализаціи», вмѣсто которой народные соціалисты выдвинули гораздо болѣе разработанную и обоснованную идею «національзаціи земли».

Не можетъ, вообще, быть спору, что программа народныхъ соціалистовъ разработана умнѣе, научнѣе, обстоятельнѣе, чѣмъ программа соціалистовъ-революціонеровъ. Но въ данномъ случаѣ мы снова встрѣчаемся съ подтвержденіемъ той истины, что роль программы въ судьбахъ партій не особенно велика, что партія не союзъ лицъ, собирающихся вокругъ программы, а своеобразный общественный организмъ. Несмотря на лучшую программу, партія народныхъ соціалистовъ не оказалась способной къ широкому развитію, а влачила существованіе небольшой интеллигентной группы, тогда какъ партія соціалистовъ-революціонеровъ, не смотря на Азефа и на свой провалъ во второй Гос. Думѣ, сохранила большой запасъ жизненной энергіи.

Въ настоящее время она вторично выходитъ изъ подполья и расправляетъ крылья. Идутъ толки о сліяніи всѣхъ трехъ народническихъ группъ—трудовиковъ, народныхъ соціалистовъ и соціалистовъ-революціонеровъ въ одну большую политическую партію. Для такого сліянія на-лицо всѣ условія. Сліяніе требуетъ, конечно, пересмотра программъ, и тутъ народные соціалисты могутъ оказать своимъ болѣе лѣвымъ товарищамъ серьезныя услуги. Объединенная народническая соціалистическая партія можетъ несомнѣнно имѣть большой успѣхъ среди части нашей народолюбивой интеллигенціи и среди крестьянства тѣхъ мѣстностей, гдѣ сильны еще общинныя традиціи. Для правильнаго развитія нашей политической жизни появленіе такой народнической соціалистической партіи очень полезно, хотя ясно уже теперь, что по мѣрѣ роста благосостоянія земледѣльцевъ эта партія либо будетъ существенно мѣняться, утрачивая свой соціалистическій цвѣтъ, либо вліяніе ея въ деревнѣ будетъ падать.

Принадлежа къ опредѣленной политической партіи, я при анализѣ другихъ партій не могъ, да и не хотѣлъ, конечно, отрѣшиться отъ своихъ партійныхъ воззрѣній. Мѣриломъ для оцѣнокъ служила для меня идейная физіономія партіи народной свободы. Не только субъективно для меня, но и объективно, она стоитъ въ центрѣ нашихъ политическихъ

силъ и въ теченіе, по крайней мѣрѣ, 13 лѣтъ нашей открытой политической жизни занимала всегда центральное мѣсто.

Своими глубочайшими корнями она, какъ и вся образованная Россія, привязана къ Петровской реформѣ, Новикову, Радищеву и декабристамъ. Въ тѣсныхъ идейныхъ и даже личныхъ связяхъ она находится съ народовольцами и примыкавшими къ нимъ земско-либеральными кругами. Письмо Исполнительнаго Комитета партіи Народной Воли къ Александру III было не только всецѣло воспринято, но во многихъ частяхъ и превзойдено въ программѣ партіи народной свободы. Формально она возникла 12—18 октября 1905 г. на съѣздѣ въ Москвѣ изъ сліянія «Союза Освобожденія» съ группой земцевъ-конституціоналистовъ. Въ «Союзѣ Освобожденія» сгруппировалось значительное число русской интеллигенціи, въ томъ числѣ и такъ называемаго «третьяго элемента», т. е. служащихъ въ земскомъ и городскомъ самоуправленіи. «Союзомъ Освобожденія» была и составлена программа, легшая впослѣдствіи въ основу партіи народной свободы (конституціонно-демократической). Въ этой программѣ уже заключалось признаніе не только всеобщаго и равнаго избирательнаго права — основа всякаго истиннаго демократизма,—но и указаніе на необходимость земельной реформы на началахъ дополнительнаго надѣленія. Этимъ опровергается одинъ изъ главныхъ навѣтовъ на партію народной свободы, будто ея аграрная программа создана испугавшимися помѣщиками, поспѣшившими дать «кое-что» крестьянамъ для предотвращенія безпорядковъ. Аграрная программа партіи создана не помѣщиками, а демократической интеллигенціей изъ «Союза Освобожденія» и продиктована, какъ и остальная часть программы, не классовыми или групповыми, а только государственными соображеніями.

Главное, самое существенное отличіе партіи Народной Свободы отъ соціалъ-демократовъ и соціалистовъ-революціонеровъ въ томъ, что она не является партіей класса, какъ бы многочисленъ и прогрессивенъ онъ ни былъ, а партіей цѣлаго, партіей государственной и національной. Выше всего стоитъ интересъ Россіи. Интересы каждаго, естественно возникшаго, класса подлежатъ признанію и защитѣ, поскольку

они не противорѣчатъ интересамъ всего государства, а входятъ частью въ общую, гармонически связанную, жизнь цѣлаго. Поэтому ничто такъ не чуждо партіи Народной Свободы, какъ идея диктатуры. Кто-бы ни захватилъ такую диктатуру, отдѣльный-ли человѣкъ, какъ желаютъ сторонники самодержавія, цѣлый-ли классъ пролетаріатъ, какъ мечтаютъ соціалъ-демократы, партія народной свободы никогда не примирится съ этой диктатурой, во всякомъ случаѣ попирающей свободу и права личности. Какія-бы цѣли ни преслѣдовала диктатура, будь то гнетъ одной народности надъ другой, чего требуютъ націоналисты, или насильственное осуществленіе утопическихъ соціалистическихъ плановъ, какъ это указано въ программѣ соціалистовъ-революціонеровъ, партія Народной Свободы будетъ всѣми доступными ей средствами бороться противъ всякихъ диктаторскихъ поползновеній. Диктатура нужна только тогда, когда меньшинство желаетъ навязать свою волю большинству. Партія Народной Свободы по самому существу своему есть партія демократическая, склоняющаяся передъ народной волей. Современная жизнь знаетъ одинъ только законный способъ выявленія этой народной воли—свободный голосъ большинства народнаго представительства, избраннаго всеобщимъ и равнымъ голосованіемъ. Поэтому-то партія Народной Свободы заранѣе заявляетъ, что, борясь за свою программу, она подчинится, признаетъ и не будетъ оказывать насильственнаго противодѣйствія свободнымъ рѣшеніямъ Учредительнаго Собранія, тогда какъ многіе изъ соціалъ-демократовъ уже теперь говорятъ о необходимости «давленія вооруженнаго революціоннаго народа и войска» на Учредительное Собраніе. Въ этомъ пунктѣ между двумя партіями пропасть неизмѣримо болѣе глубокая, чѣмъ всѣ программныя различія.

И если не всѣ соціалъ-демократы и не всѣ соціалисты-революціонеры стоятъ на точкѣ зрѣнія «диктатуры», насилія надъ волей законно избраннаго демократическаго народнаго представительства, то съ людьми, такого насилія не признающими, у партіи Народной Свободы безусловно окажется общая почва, не смотря на различія отдѣльныхъ взглядовъ. Партія Народной Свободы не признаетъ революціон-

наго, насильственнаго пути для осуществленія соціализма, но она не отрицаетъ соціализма, какъ идеала, къ которому идетъ и придетъ человѣчество. Но человѣчество должно придти къ нему, повинуясь свободному голосу своей совѣсти и разума. Нельзя человѣчество, какъ барана, притянуть на веревкѣ силой къ соціализму. Это будетъ не соціалистическое устройство, а всеобщій хлѣвъ, гдѣ погонщики будутъ кормить въ извѣстные часы безсловесный скотъ, чтобы потомъ гнать его на работу.

П. Б. Струве еще въ 1906 году далъ такую яркую и глубокую характеристику идейныхъ основъ партіи Народной Свободы: «Наша партія *либеральная*: она отстаиваетъ свободу личности. И въ то же время она отстаиваетъ начало свободы личности для *всякой* личности и потому она *демократична*. И, въ силу этого, въ реально-политическомъ смыслѣ, она вовсе не отрицаетъ, а, наоборотъ, утверждаетъ въ своей программѣ дѣйственную, практическую идею *соціализма*. Въ то же время она есть партія не классовая, а *національная*. Она стремится объединить всѣ живыя прогрессивныя силы націи и этимъ объединеніемъ поставить ихъ всѣ на службу идеѣ цѣлостнаго національнаго возрожденія. Она эволюціонна, а не революціонна. Это значитъ: какъ бы ни смотрѣли отдѣльныя лица, какъ бы ни увлекались они тѣми или другими условіями момента, въ основѣ политическаго міровоззрѣнія нашей партіи можетъ лежать только идея политики, какъ воспитанія, а не какъ принужденія общественнаго человѣка».

Аграрная программа партіи народной свободы ставитъ своею цѣлью «передачу земли въ руки трудящихся», а не безличному государству, какъ въ той или иной формѣ требуютъ соціалисты всякихъ толковъ. Но и въ этомъ самомъ остромъ вопросѣ русской жизни, партія не отступаетъ передъ напоромъ демагогической волны, не сходитъ со своей основной позиціи. На разрѣшеніе земельнаго вопроса партія смотритъ съ точки зрѣнія интересовъ не отдѣльныхъ классовъ, а цѣлаго государства, Россіи. Поэтому партія не даетъ неисполнимыхъ посуловъ, что она надѣлитъ землей каждаго желающаго на ней работать. Неизвѣстно, сколько такихъ людей

найдется, неизвѣстно сколько окажется земли для надѣленія, такъ какъ отнимать землю у тѣхъ, кто ее уже теперь обрабатываетъ своими руками и руками своей семьи, партія не собирается. Партія не объявляетъ всей земли «общенароднымъ достояніемъ», потому что она, по убѣжденію, не намѣрена отымать землю у тѣхъ тружениковъ, которые желаютъ владѣть своими участками на правѣ собственности. Но партія окажетъ полное содѣйствіе всякой кооперацiи въ деревнѣ, всѣмъ попыткамъ земледѣльцевъ не только производить совмѣстно закупки, но и совмѣстно обрабатывать свои участки при помощи купленныхъ на общественный счетъ машинъ и т. д. Партія протестуетъ противъ насильственнаго разрушенія общины тамъ, гдѣ земледѣльцы желаютъ владѣть землей на общинномъ правѣ и дѣлить ее время отъ времени. Но столь же энергично партія будетъ возставать и противъ попытокъ силою снова загнать въ общину землеробовъ-собственниковъ и подвергнуть ихъ небольшіе участки новому раздѣлу. Партія народной свободы рѣшительно возражаетъ противъ всякаго насильственнаго соціализма, но окажетъ полное содѣйствіе соціализму кооперативному, построенному на добровольномъ сотрудничествѣ земледѣльцевъ.

Признавая необходимымъ надѣленіе землей земледѣльцевъ, обрабатывающихъ землю личнымъ трудомъ, за счетъ принудительно отчуждаемыхъ въ казну частно владѣльческихъ имѣній, партія предполагаетъ произвести это отчужденіе при помощи выкупа земли государствомъ по справедливой оцѣнкѣ. Конечно, легче провозглашать начала «конфискаціи» т. е. безплатнаго отобранія земли и раздачи ее «всему народу». Но эти выклики только демагогія. Если отбирать безплатно землю, надо безплатно же отобрать и фабрики у фабрикантовъ и дома у домовладѣльцевъ. Ничего подобнаго не предлагаетъ сдѣлать ни одинъ разумный соціалъ-демократъ. Онъ понимаетъ, что такое отобраніе фабрикъ и домовъ привело бы только къ прекращенію производства и обмѣна и закончилось бы въ скоромъ времени крахомъ и голодовкой рабочихъ, захватившихъ эти фабрики, не говоря уже о междоусобной войнѣ съ тѣми, кто въ захватѣ не успѣлъ принять участія. Въ землѣ заинтересованы не одни землевладѣльцы-

помѣщики. На земляхъ лежатъ большіе долги, съ землями связаны крупныя фабрично-заводскія предпріятія. Если окажется, что въ Россіи не платятъ по долгамъ, лежащимъ на землѣ, то весь нашъ финансовый строй будетъ взорванъ. Нашъ кредитъ рухнетъ и, такъ какъ въ нашихъ промышленныхъ и банковыхъ дѣлахъ и въ государственныхъ займахъ сильно заинтересованы иностранцы, вложившіе туда большіе капиталы, то мы рискуемъ, что иностранцы устроятъ надъ нашими финансами свой контроль, какъ это уже было съ Греціей, Турціей, Египтомъ, Персіей, Китаемъ. О какихъ реформахъ можно тогда думать. О какой свободѣ говорить!

Партія Народной Свободы не можетъ уподобиться безотвѣтственнымъ политическимъ юношамъ и въ демагогической погонѣ за одобреніемъ толпы бросать громкіе лозунги, опасные для независимости и существованія Россіи.

Не могла, понятно, партія народной свободы присоединиться и къ требованію отобранія *всей* земли и раздѣла ея между всѣми желающими работать своими руками. Это означало бы не что иное, какъ всеобщій голодъ, гибель всей русской культуры. Если бы каждый земледѣлецъ былъ надѣленъ землей въ предѣлахъ «продовольственной нормы», то прекратился бы всякій вывозъ зерна не только за границу, но и на городскіе рынки. Города, фабрики, заводы остались бы безъ хлѣба, но и земледѣльцы влачили бы полунищенское существованіе. Такое разрѣшеніе земельнаго вопроса отодвинуло бы нашу страну на 300 лѣтъ тому назадъ. Не о разореніи культурныхъ хозяйствъ, а объ организаціи крестьянскихъ трудовыхъ хозяйствъ, о сильномъ подъемѣ агрикультуры, объ усиленной интенсификаціи нашего земледѣлія—вотъ о чемъ намъ надо заботиться, вотъ въ чемъ главнѣйшая задача новой Россіи. А ростъ земельной культуры возможенъ только при усиленіи затратъ труда и капитала, что въ свою очередь требуетъ установленія болѣе прочныхъ связей земледѣльца съ землей. Въ эту сторону, а вовсе не въ направленіи постоянныхъ раздѣловъ земли для торжества уравнительнаго» начала, идетъ эволюція землепользованія. Конечно, необходимо принять самыя серьезныя мѣры, какъ противъ сосредоточенія въ однѣхъ рукахъ боль-

шихъ участковъ земли, такъ и противъ вреднаго дробленія мелкихъ владѣній при переходѣ по наслѣдству.

Уваженіе къ свободѣ, отвращеніе къ насилію и ко всякой диктатурѣ, трезвость политической мысли, учитывающей всѣ дѣйствующія силы, чтобы создавать реальныя реформы, а не бряцать словесными лозунгами,—таковы основныя черты политической физіономіи партіи народной свободы.

Сложившись въ октябрѣ 1905 г. въ большую легальную партію, она въ отличіе отъ всѣхъ другихъ демократическихъ партій, съ первыхъ же дней высказалась за участіе въ выборахъ въ Государственную Думу и противъ бойкота. Исторія ее всецѣло оправдала. Во всѣхъ четырехъ Гос. Думахъ партія Народной Свободы играла большую роль, а самой Госуд. Думѣ въ русской жизни, и въ частности въ подготовкѣ русской революціи, принадлежитъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Если теперь въ пылу еще недавней битвы не всѣ отдаютъ себѣ отчетъ въ колоссальномъ значеніи для русской свободы самого факта существованія даже третье-іюньской Гос. Думы, то скоро это будетъ понято и оцѣнено всей разумной Россіей...

Если судить по картинѣ, представившейся взору поверхностнаго наблюдателя сейчасъ послѣ революціи, въ мартѣ мѣсяцѣ, то можно было бы думать, что правѣе партіи народной Свободы въ новой Россіи нѣтъ и не будетъ никакихъ партій. Поголовно вся Россія стоитъ за республику. Чуть-ли не вся политическая сцена занята соціалистами и только въ небольшомъ углу ютится партія Народной Свободы.

Было бы большой ошибкой поддаться этому оптическому обману. Въ 1905—1906 годахъ возникло много разныхъ болѣе правыхъ партій: Союзъ 17 Октября, мирное обновленіе, торгово-промышленная, правовой порядокъ, различные союзы русскаго народа и т. д. Эти партіи почти всѣ оказались нежизнеспособными. Нѣкоторыя изъ нихъ держались либо деньгами и милостью начальства, либо уродливыми несправедливостями избирательнаго закона. Натиска революціонной бури онѣ не выдержали. Первый порывъ вѣтра развѣялъ ихъ. Но отсюда не слѣдуетъ дѣлать выводъ, что въ русской жизни нѣтъ консервативныхъ силъ. Послѣ

земельной реформы онѣ будутъ очень сильны, но и до этого, еще въ Учредительномъ Собранiи, правыя партiи, надо думать, дадутъ себя знать. Какъ онѣ сложатся, изъ какихъ элементовъ и какiе выдвинутъ принципы, объ этомъ пока можно только гадать. Можно думать, напр., что при республиканскомъ, быть можетъ подавляющемъ, большинствѣ въ собранiи будутъ и чистые монархисты, и монархисты типа демагогическаго цезаризма. Правѣе партiи Народной Свободы окажутся, вѣроятно, группы, сложившiяся по единству нацiональному, вѣроисповѣдному и т. д. Составъ Учредительнаго Собранiя, особенно, если выборы будутъ происходить съ соблюденiемъ справедливости, т. е. началъ пропорцiональнаго представительства, будетъ, вѣроятно, довольно пестрый и отношенiя въ немъ очень сложныя. Изученiе партiйныхъ взаимоотношенiй представляетъ поэтому огромный практическiй интересъ. Но въ данную минуту мы можемъ говорить только о трехъ крупныхъ партiяхъ и объ ихъ оттѣнкахъ: социалъ-демократахъ, соцiалистахъ народническаго толка и о партiи Народной Свободы. Остальныя партiи объявятся позднѣе.

А. С. Изгоевъ.

Склады изданій Партіи «Народной Свободы»:

Складъ и книгоиздательство «Право», Литейный 28, тел. 41—61, 661—27, и

Книжный складъ «Провинція», Стремянная 6, тел. 86—20, 139—97.

ВЫШЛИ и ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ:

Ѳ. Ѳ. Кокошкинъ. Республика. 20 к.
Его же. Учредительное Собраніе. 20 к.
М. М. Винаверъ. Исторія Выборгскаго воззванія. 45 к.
Его же. Тактика партіи. 15 к.
Н. И. Карѣевъ. Революція 1848 г. 20 к.
Что думала II Дума о землѣ. 10 к.
А. А. Корниловъ. Исторія Партіи Народной Свободы. 20 к.
Н. О. Лосскій. Чего хочетъ Партія Народной Свободы. 15 к.
К. Н. Соколовъ. Учредительное Собраніе. 20 к.
А. Н. Макаровъ. Пропорціональные выборы 25 к.
Какъ получить землю. 5 к.

ГОТОВИТСЯ КЪ ПЕЧАТИ:

Г. В. Вернадскій. П. Н. Милюковъ.
Б. Э. Нольде. Финляндія.
М. М. Карповичъ. Біографіи министровъ.
А. В. Тыркова. Константинополь.
П. В. Герасимовъ. Современный переворотъ.
А. М. Александровъ. Почему Германія начала войну?
А. М. Петрункевичъ. О великой французской революціи и ея руководящихъ идеяхъ.

Справочный отдѣлъ по распространенію брошюръ и листовокъ: Петроградъ. Французская набережная 8, кв. 5. Тел. 52—05.
